

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.2.4>

UDC 903.2:903.5(575)

LBC 63.444(543.0)-41

Submitted: 13.11.2025

Accepted: 02.03.2026

BELT BUCKLES AND PLATES IN THE BURIAL COMPLEXES OF CENTRAL ASIA IN THE 2nd CENTURY BC AND THE 1st – BEGINNING OF THE 2nd CENTURY AD ¹

Konstantin S. Okorokov

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. This paper deals with belt sets made of various materials, decorated with inlays and/or engraved images of animals, originating from the territory of Central Asia. The vast majority of such sets were found in burials of the 2nd century BC and 1st – beginning of the 2nd century AD, which have signs of the Early Sarmatian funeral rite. These include the shape of the grave pits, the stable orientation of the buried to the southern sector, the placement of the foreleg and shoulder blades of small cattle in the burial chamber as funerary food, as well as a specific set of equipment, which shows the Eastern “innovations” characteristic of the final stage of the Early Sarmatian culture. Among such innovations are belt sets, both of Central Asian origin and made among the nomads of Asian Sarmatia under the undoubted influence of Central Asian examples. It is noteworthy that similar belt buckles and plates in Xiongnu complexes often are part of the decoration of women’s costumes, but in the territory where early Sarmatian monuments are found, they occur in high-status military burials. The analysis of archaeological complexes with belt sets allows us to divide them into two chronological groups: the 2nd – 1st centuries BC and the 1st – beginning of the 2nd century AD. The early group (possibly extending into the 1st century AD) includes bronze openwork buckles with zoomorphic images and buckles and plates made of jet, as well as bone and iron buckles in the form of a rectangle or an elongated trapezoid. In the burials of the first centuries AD, there are a few belt sets with lavishly decorated ellipso-square horn plaques, the design of which includes ornamental motifs from the previous period.

Key words: Central Asia, Sogd, Khorezm, belt set, zoomorphic and jet buckles, Early Sarmatian culture, Xiongnu, military burials.

Citation. Okorokov K.S., 2026. Poyasnye pryazhki i plastiny v pogrebal’nykh kompleksakh Sredney Azii vo II v. do n.e. – I – nachale II v. n.e. [Belt Buckles and Plates in the Burial Complexes of Central Asia in the 2nd Century BC and the 1st – Beginning of the 2nd Century AD]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 2, pp. 88-114. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.2.4>

УДК 903.2:903.5(575)

ББК 63.444(543.0)-41

Дата поступления статьи: 13.11.2025

Дата принятия статьи: 02.03.2026

ПОЯСНЫЕ ПРЯЖКИ И ПЛАСТИНЫ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО II в. ДО н.э. – I – НАЧАЛЕ II в. н.э.¹

Константин Сергеевич Окороков

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

© Окороков К.С.: 2026

Аннотация. В статье рассматриваются поясные наборы из различных материалов, украшенные инкрустациями и/или гравированными изображениями животных, происходящие с территории Средней Азии. Абсолютное большинство таких наборов было обнаружено в захоронениях II в. до н.э. – I – начала II в. н.э., имеющих признаки раннесарматского погребального обряда. К их числу относятся форма могильных ям, устойчивая ориентировка погребенных в южный сектор, помещение в погребальную камеру передней ноги и лопатки мелкого рогатого скота в качестве напутственной пищи, а также специфический набор инвентаря, в котором проявляются восточные «инновации», характерные для заключительного этапа раннесарматской культуры. Среди таких инноваций находятся поясные наборы как центрально-азиатского происхождения, так и изготовленные в среде кочевников Азиатской Сарматии под несомненным влиянием центрально-азиатских

образцов. Примечательно, что аналогичные поясные пряжки и пластины в хуннских комплексах зачастую относятся к украшениям женского костюма, но на территории распространения раннесарматских памятников они находятся в статусных воинских погребениях. Анализ археологических комплексов с поясными наборами позволяет разделить их на две хронологические группы – II–I вв. до н.э. и I – начало II в. н.э. К ранней группе (с возможным заходом в I в. н.э.) относятся бронзовые ажурные пряжки с зооморфными изображениями, пряжки и пластины из гагата, а также костяные и железные пряжки в форме прямоугольника или вытянутой трапеции. В погребениях первых веков нашей эры зафиксированы немногочисленные поясные наборы с пышно декорированными роговыми бляхами эллипсо-квадратной формы, в чьем оформлении встречаются орнаментальные мотивы предшествующего времени.

Ключевые слова: Средняя Азия, Согд, Хорезм, поясная гарнитура, зооморфные и гагатовые пряжки, раннесарматская культура, хунну, воинские погребения.

Цитирование. Окороков К. С., 2026. Поясные пряжки и пластины в погребальных комплексах Средней Азии во II в. до н.э. – I – начале II в. н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 2. С. 88–114. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.2.4>

Введение

На обширной территории Средней Азии известны многочисленные курганные могильники и одиночные захоронения, обнаруживающие сходство в погребальном обряде и предметах материальной культуры с сарматским миром Южного Урала, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона. Значительное количество этих археологических комплексов датируется II в. до н.э. – I – началом II в. н.э. Характерной особенностью этого периода является появление в погребальном инвентаре инноваций, которые имеют прямые аналогии в памятниках Центральной Азии². К их числу относятся поясные наборы, состоящие из пластин и пряжек с неподвижным язычком или кнопкой, выполненные из различных материалов и имеющие специфический декор (рис. 1), которые рассматриваются в данной статье. Этой категории предметов в целом посвящено немало работ, рассматривающих различные аспекты их стилистики, географии распространения, хронологии и генезиса как для территории Центральной Азии и Южной Сибири, откуда происходят прототипы, так и для сарматских памятников от Южного Урала до Нижнего Дона. Вместе с тем среднеазиатские комплексы с предметами такого рода зачастую изданы фрагментарно, отсутствуют изображения отдельных предметов, что связано главным образом с типографскими возможностями середины XX в., когда было исследовано основное количество этих памятников. Некоторые из таких вещей в настоящее время хранятся в Государственном музее Востока, что позво-

лило автору познакомиться с ними *de visu*. Таким образом, целью предлагаемой статьи является уточнение характеристик поясных наборов из среднеазиатских комплексов с ярко выраженными раннесарматскими погребальными традициями и в конечном счете дополнение существующих представлений об этой категории погребального инвентаря.

Анализ материалов

Предварительный анализ поясных наборов из археологических комплексов позволяет разделить их на две основные хронологические группы. К первой группе относятся прямоугольные и трапециевидные пряжки из бронзы, гагата, кости или железа, украшенные зооморфными сюжетами или геометрическим орнаментом с датировкой II–I вв. до н.э., с возможным заходом в начало I в. н.э. Вторую хронологическую группу (I – начало II в. н.э.) составляют немногочисленные поясные наборы с пышно декорированными роговыми (?) бляхами эллипсо-квадратной формы, в оформлении которых встречаются орнаментальные мотивы гагатовых пряжек.

Бронзовые поясные пряжки с изображениями схватки животных

Все три известные на территории Средней Азии предмета происходят из археологических комплексов Бухарского Согда, в центре Зеравшанской долины.

В подбойном погребении кургана 2 могильника Шахривайрон на тазовых костях по-

гребенного был зафиксирован поясной набор из двух пластинчатых пряжек [Обельченко, 1978, с. 69]. На левом крыле таза находилась бронзовая пряжка³ (рис. 2, 1–2), пару ей составляла костяная пряжка с бронзовой кнопкой для фиксации ремня. Параметры бронзовой пряжки: длина – 9,3 см, ширина – 4–4,26 см, ширина рамки – 0,3 см, максимальная толщина – 0,27 см, минимальная толщина – 0,07 см, высота крючка с рамкой – 1,3 см, язычок выступает за пределы рамки на 1,1 см. В прямоугольную рамку пряжки помещена сцена терзания тигром верблюда. Отливка не очень качественная, отсутствуют хвост тигра, часть шеи верблюда под правой лапой тигра, а также часть живота верблюда возле бедер. Резцом проработаны глаза, уши и лапы животных, обозначены шерсть на спине, плечах и шее верблюда, намечены полосы на бедре и брюхе тигра. Слева на рамке, на стороне тигра, возвышается неподвижный язычок. По четырем углам пряжки имеются отверстия для крепления к ремню.

В подбойном погребении кургана 16 второй юго-восточной группы могильника Лявандак бронзовая пряжка⁴ (рис. 2, 3–4) с изображением сцены терзания тигром верблюда находилась на поясе погребенного [Обельченко, 1968]. Параметры предмета: длина – 9,4 см, ширина – 4 см, ширина рамки – 0,35 см, максимальная толщина – 0,3 см, минимальная толщина – 0,15 см. Отливка не очень качественная – отсутствует правая нога тигра и средние части вертикальных планок рамки. Резцом обозначены шерсть на спине и шее верблюда, а также полосы на хвосте и лапах тигра. Отверстия для крепления к ремню сохранились только по углам на правой стороне пряжки. У предмета плавные контуры, складывается ощущение, что он является итогом многократного копирования.

Абрисы фигур на этих пряжках почти идентичны, что производит впечатление изготовления с одного образца (рис. 2, 5).

Ближайшей аналогией этим предметам (хотя и несколько меньших размеров) является фрагмент поясной ажурной пряжки с частично сохранившейся фигурой верблюда (рис. 2, 6), которая упоминается среди находок полевого сезона 2024 г. в Пайкенде⁵ [Холов, Омельченко, 2025, с. 76].

Помимо рассмотренных выше трех пряжек, в настоящее время известно еще десять подобных предметов, происходящих из погребальных памятников (рис. 3). География их распространения довольно широка и, помимо долины Зеравшана, включает в себя Южный Урал – Тастагым, Талдысай I (кург. 5, погр. 1), Жусандыой; Южное Зауралье – Каратомар (кург. 1, яма 5А), Ванюши; Северный Казахстан – Карамурун II (кург. 1); Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье – Кривая Лука VII (кург. 9, погр. 28), Писаревка II (кург. 6, погр. 2), Петрунино II (кург. 1, погр. 4), западную часть Южного Прикаспия – Гхалекути II (погр. II) [Мамедов, Виноградов, 2009, рис. 2, 4; Казахское искусство, 2013, с. 128, рис. 280; Stöllner, Samašev, 2013, Nr. 522; Логвин и др., 2019, рис. 2; Маргулан и др., 1966, с. 364, рис. 64; Глебов, 2016, рис. 2; Мамонтов, 2002, рис. 2, 11; Sono, Fukai, 1968, pl. LXXVII, 8, XLV, 8a–b].

А.С. Скрипкин, выделяя пряжки со сценой терзания в качестве маркера заключительного этапа раннесарматской культуры, замечает, что в Нижнем Поволжье и Нижнем Дону они не могли появиться раньше II в. до н.э., так как их происхождение связано со временем бытования в центрально-азиатских памятниках ажурных поясных пластин [Скрипкин, 2019, с. 23]. М.Ю. Трейстер отмечает, что такие пряжки не являются предметами центрально-азиатского импорта, но восточное влияние, выраженное в принципе размещения ажурного изображения в прямоугольной рамке, несомненно. География распространения пряжек этого типа позволяет предполагать их производство в любых частях Азиатской Сарматии [Трейстер, 2019, с. 190].

Стилистические особенности зооморфных изображений на пряжках позволяют выделить три основных варианта воспроизводства сюжета.

Группа, включающая в себя пряжки из Каратомара, Жусандыой и Писаревки II, выделена А.М. Сеитовым [Сеитов, 2020, с. 143] и составляет первый вариант. Особенностью этой группы предметов является тщательная проработанность деталей, таких как мех животных, морды, упряжь верблюда. Характерная черта зооморфной сцены – фигура тигра изображена одновременно в двух проекциях,

верхняя половина в фас, нижняя в профиль (рис. 3,1–3).

Ко второму варианту относятся пряжки из Карамуруна II и Петрунино II, на чье сходство обратил внимание И.В. Сергацков [Сергацков, 1990, с. 28]. Изображенные животные на пряжках выглядят оплывшими, резцом после отливки подчеркнута только их шерсть. Фигуры животных стройные, конечности тонкие. Шея верблюда параллельна нижней рамке, передняя ступня не касается заднего колена, в отличие от изображений на пряжках из других групп. Левая лапа тигра слегка выглядывает из-за переднего горба верблюда (рис. 3,4–5).

Зеравшанские пряжки относятся к третьему стилистическому варианту, к которому принадлежат также пряжки из Тастагыма и Талдысая I (рис. 3,7–8). Голова верблюда почти касается внутренней линии нижней рамки⁶. Детали изображений подчеркнуты резцом после отливки, причем на шахривайронской пряжке они проработаны тщательнее, чем на лявандакской. Композиция на талдысайской пряжке с трудом читается вследствие литейного брака, отсутствуют отверстия по углам рамки, но некоторые особенности изображения, такие как направление конечностей, передняя ступня верблюда, касающаяся колена задней ноги, расстояние между горбами, позволяют рассматривать ее в составе третьей группы. К этой же группе пряжек следует относить фрагмент пряжки из Пайкенда, а также предмет, найденный в начале строительства Транссибирской железнодорожной магистрали в кургане у деревни Ванюши Челябинской области⁷. Это обломок пряжки (рис. 3,6), на котором представлена фигура тигра без хвоста и передняя часть фигуры верблюда на фрагменте нижней части рамки. Детали изображения практически тождественны пряжке из Шахривайрона. Среди находок из этого кургана присутствуют пять бронзовых трехлопастных наконечника стрел, тазовая кость человека с застрявшим в ней однотипным наконечником стрелы, фрагмент железного кинжала и керамические сосуды [Heikel, 1894, p. 65, pl. XV, 4].

О принадлежности предметов из Кривой Луки VII (рис. 3,9) и Гхалекути II (рис. 3,10) к какой-либо из упомянутых групп судить сложно из-за особенностей (дефектов) литья

и не вполне качественных прорисовок. Вероятно, они относятся к самостоятельным вариациям воспроизводства сюжета, о чем говорит, например, положение неподвижного язычка на другой стороне рамки. Пряжка из Кривой Луки – единственная целая пряжка, имеющая неподвижный язычок справа. Детали изображения плохо различимы, судя по прорисовке, хвост тигра направлен вниз.

Пряжка из Гхалекути II является результатом многократного копирования с образца, несмотря на расплывчатые контуры изображения и литейный брак, с большой долей вероятности можно допустить, что прототипом являются именно рассматриваемые пряжки со сценой борьбы тигра и верблюда. Неподвижный язычок перенесен на правую сторону рамки. В контурах предмета угадываются задние ноги тигра и абрисы голов животных, возможно, исходным образцом служил фрагмент пряжки.

Прототипами этого вида пряжек следует считать сибирские бронзовые зооморфные пряжки, попавшие на сарматскую, или контактную для них территорию, где звериные образы в оформлении были переосмыслены с учетом вкусов и традиций этой части кочевого мира. В восточных пряжках хорошо известны сюжеты с верблюдами и борьбой животных. На пряжке из Сибирской коллекции Петра со сценой нападения тигра на лошадь передние лапы и голова тигра изображены так же, как на группе пряжек из Жусандыоя, Каратомара и Писаревки [Дэвлет, 1980, табл. 7,23, 9,31; Руденко, 1962, табл. VIII,5–6, XXVII,7]. Сюжетная аналогия с терзанием кошачьим хищником верблюда обнаруживается на Р-образной пряжке из Северного Китая [Королькова, 2006, табл. 53,2]. Е.С. Богданов полагает, что вся серия прямоугольных пряжек со сценой терзания тигром верблюда представляет собой отдельный локальный изобразительный вариант и не может рассматриваться в рамках скифо-сибирской традиции [Богданов, 2006, с. 68].

Говоря о хронологическом соотношении разных стилистических вариантов, следует отметить, что стилистически группа Каратомар – Жусандыой – Писаревка выглядит наиболее ранней из-за высокой степени детализации изображения, находящего некоторые

анalogии в центрально-азиатских комплексах. Пряжка из Талдысая обнаружена в кургане рубежа III–II вв. до н.э. с круговой планировкой погребений, в центральном погребении вместе с бронзовой трехлопастной базисной стрелой и клинком прохоровского типа [Мамедов, Виноградов, 2009, с. 104]. Бронзовые трехлопастные стрелы находились также в комплексе с пряжкой этого же стилистического варианта из кургана у дер. Ванюши. Вполне вероятно, что именно в степях Южного Урала под влиянием центрально-азиатских прототипов начинают изготавливаться бронзовые ажурные пряжки (с сюжетом, переработанным применительно к местным реалиям), которые в связи с частичной миграцией населения попадают в сопредельные регионы. Есть основания полагать, что в среднеазиатские погребения эти предметы попадают не ранее середины I в. до н.э., о чем говорит наличие в составе инвентаря небольших железных пряжек с круглой рамкой и подвижным язычком, массово появляющихся в регионе после поражения римской армии при Каррах [Шарапова, Малашев, 2022, с. 175; Окороков, 2025, с. 255].

***Бронзовые поясные пряжки и накладки
с изображениями лежащего
двугорбого верблюда***

Пряжка с изображением лежащего верблюда известна на территории Ташкентского оазиса, на городище Шаштепа (рис. 4,1).

Меридионально ориентированная могильная яма с заплечиками под камышовым перекрытием была впущена в холм с руинами первоначального поселка, прорезана погребением с аналогичным инвентарем, но с другой ориентировкой, а затем перекрыта архитектурно-строительным комплексом II в. до н.э. – III в. н.э.

Под подбородком погребенной находился фрагмент бронзовой прямоугольной пряжки с вписанной в нее фигурой лежащего двугорбого верблюда [Филанович, 2010, с. 206–208]. Фрагмент представляет собой левую половину пряжки, размером 5,5 × 4 см, с двумя отверстиями в углах. Сохранилась передняя часть изображения верблюда. Отсутствует часть рамки с неподвижным язычком.

Ближайшим памятником, где встречены аналогичные предметы, является Бабашовский могильник, где они найдены в одном погребении в составе поясного набора [Мандельштам, 1975, с. 92, табл. XXXVI, 7–8]. Это две накладки без неподвижного язычка, верблюды на обеих пластинах обращены влево (рис. 4,5). На бедрах и плечах животных присутствует декор в виде кружка с точкой посередине. На других подобных пряжках такой декор не известен.

Самой северной находкой является предмет из могильника Ново-Калкашево II (кург. 2, погр. 5), на левом берегу р. Стерля в Стерлибашевском районе Республики Башкортостан (рис. 4,6) [Акбулатов, 1998, рис. 5,2].

В Нижнем Поволжье пряжки с лежащим верблюдом происходят из трех погребальных комплексов (рис. 4,3,4,8) – Верхнее Погромное (кург. 4, погр. 4), Белокаменка II (кург. 7, погр. 3), Косика (погр. 26) [Шилов, 1975, рис. 39,10; Мордвинцева, Шинкарь, 1999, рис. 4,17; Скрипкин, 2019, рис. 2]. Поясной набор из Белокаменки единственный, где на двух пряжках изображения зеркально отражены, при этом язычок есть только у одной из них, на которой фигура направлена влево, как и на остальных пряжках этого типа. Образ на пряжке из Косики отличается от остальных предметов – на ней изображен поднимающийся с земли верблюд.

На Нижнем Дону пряжки с верблюдом происходят из четырех комплексов (рис. 4,2,7,9–10) – Заливский (кург. 1, погр. 9), Донской (кург. 1, погр. 21), Красногоровка III (кург. 11, погр. 10), Веселый (кург. 2, погр. 6) [Шилов, 1991, рис. 22,2; Глебов, Бабешко, 2012, рис. 1,5; Мошкова, 1963, табл. 25,16; Беспалый, Лукьяшко, 2018, рис. 99,3].

Особенностью этой группы пряжек является наличие фрагментированных предметов в погребениях. Во всех известных случаях это половина пряжки с передней частью изображения – Шаштепа (погр. 2), Заливский (кург. 1, погр. 9), Верхнее Погромное (кург. 4, погр. 4).

На всех целых предметах (кроме пряжек из Косики и Веселого) животные изображены с поднятым хвостом, резцом выделена шерсть на горбах, шее и животе, намечены складки кожи.

Гагатовые пряжки

Поясные наборы, состоящие из прямоугольных гагатовых пряжек и пластин, декорированных инкрустациями или гравированными изображениями, зафиксированы в памятниках долины Зеравшана – в могильниках Кызыл-тепе (курганы 2 и 13) и Кую-мазар (курганное поле 2, кург. 31), еще один набор был обнаружен в кургане 21 могильника Жаман-Тогай, на территории Шардаринского водохранилища.

В подбойном погребении кургана 31 могильника Кую-мазар гагатовая пластина (рис. 5,7) находилась на поясничных позвонках костяка [Обельченко, 1956, рис. 13]. Параметры: длина – 5 см, ширина – 3 см, толщина – 0,5 см. Лицевая сторона декорирована бронзовыми стерженьками. На коротких сторонах пряжки проделаны парные отверстия, между которыми видны следы потертости от шнура или нитей. Диаметр отверстий – 0,25–0,3 см, расстояние между отверстиями – 0,3 см.

В катакомбе II типа в кургане 2 могильника Кызыл-тепе две гагатовые пластины (рис. 5,1) зафиксированы с двух сторон костяка в районе тазовых костей. Параметры пряжки: длина – 14,5 см, ширина – 7,1–7,85 см, толщина – 1 см, вырез для ремня – 0,5–1,7 см. Параметры пластины: длина – 14 см, ширина – 7,1–7,45 см, толщина – 1 см. На коротких сторонах предметов проделаны парные отверстия, между которыми видны следы потертости от шнура или нитей. Диаметр отверстий – 0,3 см, расстояние между отверстиями – 0,15 см. Возле выреза для ремня имеется отверстие для кнопки. Лицевые стороны пластин гладкие, декорированы узором в виде рамки и четырех пересекающихся линий из бирюзовых вставок различного размера.

В кургане 13 этого же могильника, в аналогичной катакомбе, одна пластина была расчищена между правым локтем и ребрами костяка, другая – возле правого колена (рис. 5,2)⁸. Параметры пряжки: длина – 10,5 см, ширина – 5,6–6,2 см, толщина – 1 см, вырез для ремня – 1,9–0,8 см. Параметры пластины: длина – 10,3 см, ширина – 5,5–6 см, толщина – 1 см. На коротких сторонах пластин проделаны парные отверстия. Диаметр отверстий – 0,3–0,4 см, расстояние между отверстиями – 0,2–3 см. Возле выреза для рем-

ня есть железная кнопка для его застегивания. Лицевые стороны пластин гладкие, декорированы узором в виде рамки и пересекающихся в центре линий из металлических гвоздиков [Обельченко, 1981, с. 671]. Судя по расположению пластин в погребении, пояс был уложен в расправленном состоянии вдоль тела.

Фрагмент поясной пряжки (рис. 5,3), украшенной золотыми гвоздиками (в разных публикациях указано, что она выполнена из рога носорога или гагата), происходит из ямы-ботроса в нижнем горизонте Пайкенда. Еще одна аналогичная пряжка найдена в башне № 2 по северному фасу цитадели [Омельченко, 2019, с. 94; Холов, Омельченко, 2025, с. 75–77].

В Южном Казахстане поясной набор из двух гагатовых пластин был обнаружен в кургане 21 могильника Жаман-Тогай, в могиле с заплечиками [Максимова и др., 1968, рис. 5]. Пряжки прямоугольной формы (рис. 5,6) находились в районе тазовых костей. Приблизительные параметры пластин: 8 × 4 × 1 см. На оборотной стороне имеются следы геометрического орнамента из металлических гвоздиков, что свидетельствует о длительном использовании и ремонте. Внешняя сторона украшена процарапанными изображениями оленей и плохо читаемыми значками. На короткой стороне одной из пластин есть овальный вырез для продевания ремня и железный штифт для его крепления.

В раннесарматских памятниках такие пряжки (рис. 5,4–5) происходят из могильников Питерка (кург. 1, погр. 9) в Нижнем Поволжье [Ляхов, Мордвинцева, 2000, рис. 2,2] и Жутото (кург. 27, погр. 4) в Волго-Донском междуречье [Скрипкин, Шинкарь, 2010, рис. 4,6].

Основная масса находок этого типа сосредоточена в хуннских памятниках. Они известны в Иволгинском комплексе, в Дырестуйском могильнике, на поселении Дурёны, в Ильмовой Пади, Хара-Усу, на территории Монголии в могильнике Самхит и среди находок на территории сумона Тэс, в Хакасии в могильнике Калы и Каменка V, в Туве в могильниках Ала-Тей 1 и Терезин, а также в северных провинциях Китая, в окрестностях оазиса Куча, во Внутренней Монголии и Маньчжурии [Давыдова, 1995, табл. 16, 37,2, 53,7, 69,25, 96,18, 124,9, 140,17, 148,7, 167,9,14, 145,6, 157,1,15; 1996, табл. 31, 43,3–4, 45,1–4; Ми-

няев, 2007, табл. 36, 1–2, 98; Коновалов, 2008, с. 24, рис. 48,5, 49,1; Давыдова, 1985, с. 56; Treasures of the Xiongnu ... , 2011, fig. 169–172; Пэрлээ, 1976, х. 97; Кузьмин, 2011, табл. 41; Пшеницына, 1992, табл. 94,80].

У. Бросседер полагает, что некоторые из среднеазиатских и поволжских пряжек могут быть местного производства [Brosseder, 2011, р. 414], но отсутствие месторождений гагата в Средней Азии, а также отсутствие каких-либо прототипов подобных пряжек не позволяет согласиться с таким предположением [Раев, 2017, с. 301].

В погребальных комплексах на хуннской территории гагатовые пряжки и пластины, как и большинство аналогичных костяных, преимущественно происходят из женских погребений, где являются центральным украшением пояса, возможно парадного [Килуновская, Леус, 2018, с. 128–129]. Все подобные предметы в Средней Азии и Поволжье происходят из мужских воинских погребений.

Временной отрезок бытования гагатовых пряжек на хуннской территории был относительно коротким. Предварительно время их появления можно отнести ко II в. до н.э., когда хунну или какой-то из входивших в их конфедерацию народ оказался рядом с месторождениями этих ископаемых, в районе Иркутского угольного бассейна, и открыл их свойства, позволяющие использовать их в декоративно-прикладных целях. Время их наибольшего распространения приходится на I в. до н.э., возможно, чуть позднее, после чего они исчезают, что можно связать с разделением хунну на северных и южных и бегством шаньюя Чжичжи, оказавшемся в 49 г. до н.э. в Средней Азии [Боровкова, 1989, с. 61]. Радиоуглеродные даты Иволгинского городища, в комплексах которого хорошо представлены эти предметы, в целом свидетельствуют о жизнедеятельности поселения в пределах I в. до н.э. – первой половины I в. н.э. [Бросседер, Марсадалов, 2010, с. 184].

Костяные пряжки

Основное количество этих предметов в Средней Азии происходит из курганов на Зеравшане, одна костяная пряжка известна в могильнике Туз-гыр в Присарыкамышье.

В кургане 19 могильника Туз-гыр прямоугольная костяная (роговая?) пряжка (рис. 6) была обнаружена среди разрозненных человеческих костей в заполнении могильной ямы прямоугольной формы. Параметры: длина – 8,7 см, ширина – 4,6 см, толщина – 0,2 см. По меньшей мере два раза предмет подвергался ремонту, о чем свидетельствует расположение отверстий для крепления к ремню. При первом ремонте, в связи с утратой крупного фрагмента (рис. 6,1а), место слома пытались зашлифовать, после чего пряжка служила довольно долго, судя по сильно стертým краям отверстия в правом верхнем углу (рис. 6,4). Вероятно, в погребение пряжка была помещена вскоре после второго ремонта в связи с утратой уголка пряжки (рис. 6,1б), когда в нижней части предмета было проделано небольшое отверстие, не имеющее выраженных следов эксплуатации. Прорисовка предмета (рис. 7,6) из первой публикации [Трудновская, 1979, рис. 4,39] этого комплекса не вполне соответствует действительности. У левого края пряжки сделан прямоугольный вырез для продевания ремня. Отсутствует часть пряжки с кнопкой для застегивания ремня. Судя по цвету окислов на сломе, она была железной (рис. 6,3). На лицевой стороне находится изображение лошади, нанесенное острым инструментом, наиболее тонкие линии сильно затерты от длительного использования. Сложно сказать, изображено ли животное скачущим, или лежащим с подогнутыми ногами, поскольку контуры передних ног ниже подплечий стерлись, или изначально отсутствовали. При первом повреждении предмета был утрачен фрагмент с задними ногами животного.

В подбойном погребении кургана 7 могильника Кую-мазар на поясничных позвонках погребенного была зафиксирована костяная прямоугольная пряжка (рис. 7,1). Параметры: длина – 9,5 см, ширина – 4,5 см. Для крепления к ремню по углам сделаны отверстия диаметром 0,5 см. На одном краю пряжки сделан прямоугольный вырез для продевания ремня и вставлен железный (?) крючок для его застегивания. Лицевая поверхность покрыта орнаментом из прямых линий и концентрических окружностей. На уровне пряжки, между костями рук и позвонками, находились два железных кольца, по всей видимос-

ти, имевшие отношение к конструкции пояса [Обельченко, 1956, с. 209–210].

В подбойном погребении кургана SC-K17 могильника Кызыл-тепе трапециевидная пряжка (рис. 7,11) находилась слева от тазовых костей погребенного. Параметры: длина – 8,7 см, ширина – от 4 до 5,85 см. На широком краю пряжки сделан овальный вырез для продевания ремня и отверстие для кнопки. На узком краю пряжки сделаны три отверстия диаметром 0,5 см для крепления к ремню, еще два таких отверстия проделано возле выреза. Лицевая поверхность покрыта орнаментом из кружков с точкой внутри и прямых линий, создающих видимость рамки [Ван и др., 2020, рис. 14].

В Бухарском Согде известно три костяные пряжки прямоугольной формы с вырезом и неподвижным язычком-кнопкой из железа или бронзы, о характере декора которых ничего не известно из-за плохой сохранности. Эти предметы были обнаружены в кургане 16 могильника Кызыл-тепе, на грудной клетке погребенного; в подбойном погребении кургана 1 могильника Лявандак, на поясничных позвонках костяка (длина пряжки – 8 см, ширина – 4 см); в кургане 2 могильника Шахривайрон костяная и бронзовая пряжки составляли поясной набор [Обельченко, 1961, с. 104; 1992, с. 36, 57].

Похожие предметы обнаружены в могильнике Шаушукум (кург. 86) и на городище Кампыртепа [Максимова и др., 1968, табл. XXVII, 13; Лунева, 2001, рис. 2,1], где пряжки орнаментированы кружками с точкой (рис. 7,5,10). Парный поясной набор из рога происходит из Тулхарского могильника (группа II, кург. 7). Пластины имеют вытянутые пропорции и украшены рядами круглых заклепок из низкопробного серебра [Мандельштам, 1966, табл. XLVI]. Костяные пряжки известны на территории Казахстана (рис. 7,4,8–9) в памятниках Жалтырь, Талдысай (кург. 2, погр. 5), Кеныш 3 (кург. 1), Ондырыс II (кург. 4) [Хабдулина, 1994, табл. 39,10; Мамедов, Виноградов, 2009, рис. 2,3; Сеитов, 2011, рис. 1; Сеитов и др., 2021, рис. 3,5–6; Ярыгин, 2023, рис. 6,9].

На левобережье Волги поясной набор из двух роговых пластин зафиксирован в могильнике Верхнее Погромное I (кург. 1, погр. 13) [Шилов, 1975, с. 47]. Пластины выполнены из

рога и инкрустированы чередующимися рядами железных и бронзовых гвоздиков (рис. 7,7).

В нижнедонском левобережье костяные прямоугольные пряжки происходят из двух погребальных комплексов – Чепрак IV (кург. 3, погр. 4) и Подгорненский VI (кург. 1, погр. 11) [Глебов, 2023, с. 140], причем последняя практически идентична куюмазарской (рис. 7,3). Предмет с аналогичным декором также был обнаружен в мавзолее Егистик (рис. 7,2) в Бабишмолинском оазисе, на территории распространения памятников чирик-рабатской культуры [Treasures of Shirik Rabat ... , 2024, с. 113].

Характерный орнамент на костяных пряжках в виде окружностей, пересекающихся линий из наколов или гвоздиков имитирует декор гагатовых пряжек и хорошо известен в Западной и Южной Сибири, Забайкалье [Сеитов, 2020, рис. 3].

Форма в виде вытянутой трапеции из кургана SC-K17 могильника Кызыл-тепе имеет аналогии в материалах Иволгинского городища в Западном Забайкалье. Также подобная форма встречается и среди гагатовых пряжек [Килуновская, Леус, 2024, рис. 5].

Предмет из Туз-гыра, несмотря на иной характер декора, следует относить к рассматриваемой группе пряжек. Наличие гравированных изображений животных, производящих впечатление незаконченного рисунка и плохо вписанного в поле пластины, находит аналогии в Забайкалье и Синьцзяне в памятниках II–I вв. до н.э. Необходимо отметить, что изображение лошади встречено только один раз в сцене охоты на горных козлов на пряжке из объекта АТ1/86 в могильнике Ала-Тей [Килуновская, Леус, 2020, рис. 15].

Большинство поясных наборов, выполненных из рога, имеют оригинальное исполнение и центрально-азиатские прототипы напоминают только отдельными деталями. Возможно, это говорит об их изготовлении на территории Средней Азии, чему способствовала доступность материала, в отличие от гагата.

Железные пластинчатые пряжки

Прямоугольные железные пряжки обычно имеют очень плохую сохранность, зачастую не позволяющую сделать точные проме-

ры и отметить какие-либо особенности декора, или даже его наличие. Судя по чертежам, в основных параметрах они схожи с костяными гагатовыми пластинчатыми пряжками и сосуществуют с ними.

Зафиксированы в памятниках долины Зеравшана в могильниках Лявандак (I северо-восточная группа, кург. 2), Шахривайрон (кург. 4), и Кызыл-тепе (кург. 2, 13, 14, 19). В погребении они находятся на уровне пояса в единственном числе, однако в курганах 2 и 13 могильника Кызыл-тепе эти пряжки, в том числе в парном комплекте, имеют отношение к перевязям мечей, в то время как к поясным наборам относятся крупные гагатовые пластины.

Эллипсо-квадратные пряжки

В ходе раскопок А.Н. Подушкина в кургане 3 могильника Культобе возле правой лучевой кости погребенного обнаружены два предмета: круглая ажурная поясная пряжка из бронзы и большая пряжка «из многослойного рога», украшенная геометрическим орнаментом из серебряных и золотых гвоздиков и инкрустированная вставками из бирюзы и сердолика (рис. 8, II). Параметры пряжки: длина – 12,2 см, ширина – 8,3 см, толщина – 1 см. Рядом с пряжкой найдены целые и разрушенные раковины каури со сквозными отверстиями для крепления к кожаной основе пояса [Подушкин, 2012, с. 33].

Автором раскопок пряжка называется также «носороговой», но анализ материала не проводился, судя по публикациям. Время бытования, а точнее – время возможного попадания в Среднюю Азию подобных предметов А.Н. Подушкин предлагает ограничить I в. до н.э. до похода Чжи-Чжи в пределы Таласской долины и его гибелью в 36 г. до н.э. М.Е. Килуновская и П.М. Леус, собравшие и опубликовавшие наиболее полный свод находок гагатовых и костяных пластинчатых пряжек эпохи хунну, считают, что культобинская пряжка выполнена из потрескавшегося и слоющегося богхеда (гагата). Справедливости ради следует отметить, что к этому выводу исследователи пришли, руководствуясь только фотографией предмета в публикации [Килуновская, Леус, 2024, с. 299]. Вопрос материала в данном случае представляется важным, поскольку пряжки эллипсо-квадратной

формы⁹ распространяются в I–II вв. н.э., когда прямоугольные поясные пластины и пряжки из гагата уже не известны, при этом декор в виде пересекающихся линий инкрустаций находит прямые аналогии именно среди этой группы предметов. Это может быть связано с изготовлением таких пряжек на территориях, где ранее изготавливались (или были в моде) пряжки из гагата и какое-то время сохранялась традиция декорирования вставками из различных материалов. Если пряжка из Культобе все же выполнена из гагата, то она может быть промежуточной формой, возможно, являясь самой ранней среди эллипсо-квадратных пряжек.

К подвесным элементам хуннского пояса относится круглое ажурное кольцо из этого комплекса. Ю.В. Тетерин выделяет эту форму в группу I, тип 1 – ажурные подвески в виде кольца, украшенного каплевидными, полукруглыми или овальными отверстиями, и датируемых в пределах I в. до н.э. – II в. н.э. [Тетерин, 2015, с. 52, 55, рис. 1–2].

Ближайшей аналогией поясу из Культобе является поясной набор (рис. 8, I) из могильника Орлат (кург. 2), которому посвящено значительное количество работ, рассматривающих как морфологию пряжек, так и иконографические особенности изображений на их лицевых сторонах [Маслов, 1999; Подушкин, 2012; Ильясов, 2021]. Стилистика изображений сцен охоты и сражения на орлатских роговых пластинах близка изображениям на пряжках из Тахт-и Сангина, Тилла-Булака, предмета с поселения Кызылбулак-IV [Ильясов и др., 2013, с. 196–197, рис. 1–4; Gruber et al., 2012; Горячев и др., 2016, рис. 1, 3]. Форма пряжек имеет сходство с предметами из Порогов и Ногайчинского кургана [Simonenko, 2001, fig. 4–5]. Проблема датировки этого комплекса рассмотрена Д.Я. Ильясовым, приведшим убедительные доводы к датировке комплекса I–II вв. н.э. [Ильясов, 2025, с. 347–360]. Следует отметить, что на обеих пряжках присутствует характерный декоративный пропил на короткой торцевой стороне. Кроме того, в обоих погребениях присутствуют раковины каури, что характерно для хуннских поясов.

Аналогичный по форме и параметрам предмет зафиксирован в женском погребении с китайским мечом в Приишимье. На рого-

вой пряжке из могильника Абатский-3 (кург. 6, погр. 10) присутствует орнамент в виде пересекающихся в центре предмета линий из серебряных гвоздиков (рис. 8, III). Обратная сторона пряжки украшена гравированным изображением нескольких животных в характерной для хуннских предметов стилистике [Матвеева, 1994, рис. 58, 8].

Поясные пряжки подобных форм известны на Иволгинском городище (яма 3), где она выполнена из кости (рога?), а также в комплексах на территории Северного Китая, Манчжурии и Монголии [Давыдова, 1995, табл. 121, 6; Erdenechuluun, 2011, fig. 171; The year one ... , 2000, fig. 109]. Исследователями отмечается, что на территории Северного Китая и Монголии в ранний и средний периоды Восточной Хань (I в. н.э. – начало II в. н.э.) пряжки эллипсо-квадратной формы из различных материалов имеют большее распространение, чем пряжки прямоугольной формы [Pan, 2018].

Заключение

Таким образом, большинство поясных наборов из среднеазиатских комплексов относится ко II–I вв. до н.э., как и пряжки из раннесарматских памятников. Оригинальность исполнения и декорирования не позволяет выделить один центр (или центры) производства подобных предметов в Средней Азии или на сарматской территории. Несомненно только то, что их изготовление происходило под воздействием центральноазиатских прототипов. Исключение здесь составляют пряжки из гагата, по всей видимости, изготовленные в пределах хуннской империи (где они являлись принадлежностью женского костюма). Немаловажным выглядит наблюдение, что поясные наборы находятся в среднеазиатских захоронениях с раннесарматским погребальным обрядом, и в основном датируются серединой – второй половиной I в. до н.э., то есть позже, чем некоторые комплексы на территории Южного Урала и Поволжья с аналогичными предметами. В I–II вв. н.э. поясные наборы из прямоугольных пряжек и пластин неизвестны, а в погребени-

ях, также имеющих признаки раннесарматского погребального обряда, зафиксированы немногочисленные поясные наборы с декорированными бляхами, чья форма находит аналогии среди эллипсо-квадратных пряжек Центральной Азии и Китая этого времени, характеризующих политическую и экономическую взаимосвязь макрорегионов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований» (№ НИОКТР 126011315528-9).

The article was prepared as part of the research project of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences № 126011315528-9, «Preservation of the archaeological heritage: methodological aspects and field research materials».

² Под термином «Средняя Азия» автор подразумевает территории республик Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Кыргызстан и Казахстан. Понятие «Центральная Азия» охватывает Монголию, Бурятию, Туву и ряд регионов севера и запада КНР. Подробнее о терминах см. специальную статью Ю.И. Дробышева [Дробышев, 2009].

³ Коллекционный номер Государственного музея Востока – 50754 КП.

⁴ Место хранения – Государственный музей Востока – 50753 КП. В публикацию 1968 г. автором была ошибочно помещена фотография пряжки из Шахривайрона.

⁵ Место находки: Пайкенд-2024, Цитадель, Храм Огня, Период 1, Внешний двор 2, Зал (пол 3), сырцовый ящик (фависса) в северо-восточном углу. Размеры: 4 × 3,7 × 0,15 см. Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность в.н.с. Отдела Востока Государственного Эрмитажа А.В. Омельченко за предоставленные сведения об этом предмете.

⁶ Таким образом, в первой группе изображений верблюд кусает тигра за колено, во второй – за голень, в третьей – почти за лапу.

⁷ Предмет хранится в Государственном автономном учреждении культуры Свердловской области «Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера». № ГК – 64464612. № по КП (ГИК) – СМ-8947/1. Инв. № – А-118.

⁸ Фотография публикуется впервые.

⁹ Иногда такую форму пряжек называют полуовальной или чешуйчатой [Ильясов, 2015, с. 66].

ПРИЛОЖЕНИЕ

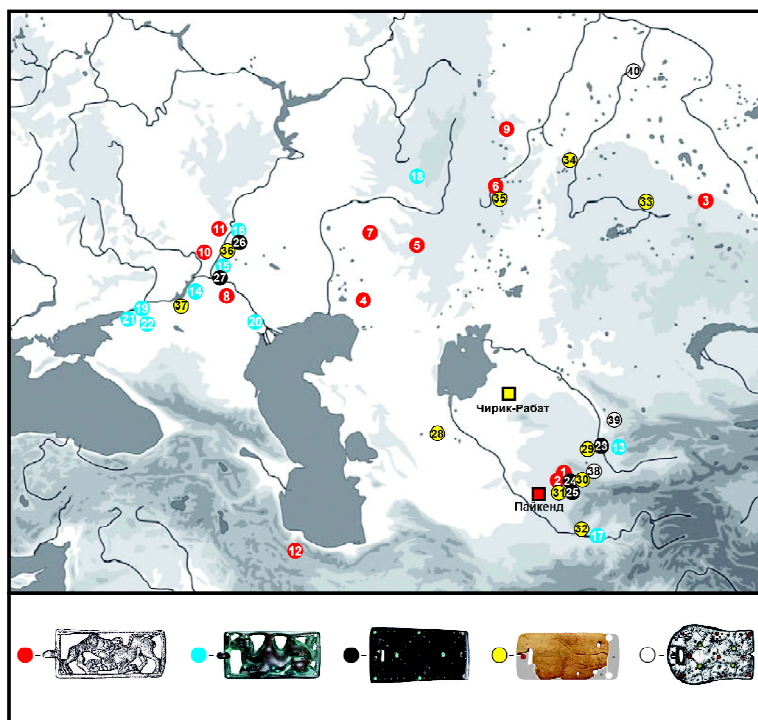

Рис. 1. Карта распространения пластинчатых пряжек из различных материалов (по: [Brosseder, 2011, fig. 35; Трейстер, 2019, рис. 4, I], уточнения – К.С. Окороков).

- Бронзовые пряжки с изображением схватки животных:** 1 – Лявандак, кург. 16; 2 – Шахривайрон, кург. 2; 3 – Карамурун II, кург. 1; 4 – Тастагым, разрушенное погребение; 5 – Талдысай I, кург. 5, погр. 1; 6 – Каратомар, кург. 1, яма 5А; 7 – Жусандыой; 8 – Кривая Лука VII, кург. 9, погр. 28; 9 – курган у дер. Ванюши; 10 – Писаревка II, кург. 6, погр. 2; 11 – Петрунино II, кург. 1, погр. 4; 12 – Гхалекути II, погр. II.
- Бронзовые пряжки с изображением лежащего двугорбого верблюда:** 13 – Шаштепа, погр. 2 (нижнее); 14 – Заливский, кург. 1, погр. 9; 15 – Верхнее Погромное, кург. 4, погр. 4; 16 – Белокаменка II, кург. 7, погр. 3; 17 – Бабашов, ограда XIV; 18 – Ново-Калкашский II, кург. 2, погр. 5; 19 – Донской, кург. 1, погр. 21; 20 – Косика, погр. 26; 21 – Красногоровка III, кург. 11, погр. 10; 22 – Веселый, кург. 2, погр. 6.
- Гагатовые пряжки:** 23 – Жаман-Тогай, кург. 21; 24 – Кызыл-тепе, кург. 2, кург. 13; 25 – Кую-мазар, кург. 31; 26 – Питерка, кург. 1, погр. 9; 27 – Жутово, кург. 27, погр. 4.
- Костяные (роговые) пряжки:** 28 – Туз-гыр, кург. 19; 29 – Шаушукум, кург. 86; 30 – Кызыл-тепе, кург. SC-K17; 31 – Кую-Мазар, кург. 7; 32 – Кампыртепа; 33 – Ондырыс II, кург. 4; 34 – Жалтырь, погр. 2; 35 – Кеныш-3; 36 – Верхнее Погромное I, кург. 1, погр. 13; 37 – Подгорненский VI, кург. 1, погр. 11.
- Пряжки эллипсо-квадратной формы:** 38 – Орлат, кург. 2; 39 – Культобе, кург. 3; 40 – Абатский-3, кург. 6, погр. 10.

Fig. 1. Map showing the distribution of plate buckles made of various materials (after: [Brosseder, 2011, fig. 35; Treister, 2019, fig. 4, I], updated by K.S. Okorokov).

- Bronze buckles depicting animal fights:** 1 – Lyavandak, kurgan 16; 2 – Shakhrivayron, kurgan 2; 3 – Karamurun II, kurgan 1; 4 – Tastagym, destroyed burial; 5 – Taldysai I, kurgan 5, burial 1; 6 – Karatomar, kurgan 1, pit 5A; 7 – Zhusandyoy; 8 – Kryvaya Luka VII, kurgan 9, burial 28; 9 – kurgan near the village of Vanyushy; 10 – Pisarevka II, kurgan 6, burial 2; 11 – Petrunino II, kurgan 1, burial 4; 12 – Ghalekuti II, burial II.
- Bronze buckles depicting a reclining Bactrian camel:** 13 – Shashtepa, burial 2 (lower); 14 – Zalivsky, kurgan 1, burial 9; 15 – Verkhneye Pogromnoye, kurgan 4, burial 4; 16 – Belokamenka II, kurgan 7, burial 3; 17 – Babashov, enclosure XIV; 18 – Novo-Kalkashsky II, kurgan 2, burial 5; 19 – Donskoy, kurgan 1, burial 21; 20 – Kosika, burial 26; 21 – Krasnogorovka III, kurgan 11, burial 10; 22 – Vesely, kurgan 2, burial 6.
- Jet buckles:** 23 – Zhaman-Togai, kurgan 21; 24 – Kyzyl-tepe, kurgan 2, kurgan 13; 25 – Kuyu-mazar, kurgan 31; 26 – Piterka, kurgan 1, burial 9; 27 – Zhutovo, kurgan 27, burial 4.
- Bone (horn) buckles:** 28 – Tuz-gyr, kurgan 19; 29 – Shaushukum, kurgan 86; 30 – Kyzyl-tepe, kurgan SC-K17; 31 – Kuyu-Mazar, kurgan 7; 32 – Kampyrtepa; 33 – Ondyris II, kurgan 4; 34 – Zhaltyr, burial 2; 35 – Kenysh-3; 36 – Verkhneye Pogromnoye I, kurgan 1, burial 13; 37 – Podgornensky VI, kurgan 1, burial 11.
- Ellipso-square buckles:** 38 – Orlat, kurgan 2; 39 – Kultobe, kurgan 3; 40 – Abatsky-3, kurgan 6, burial 10.

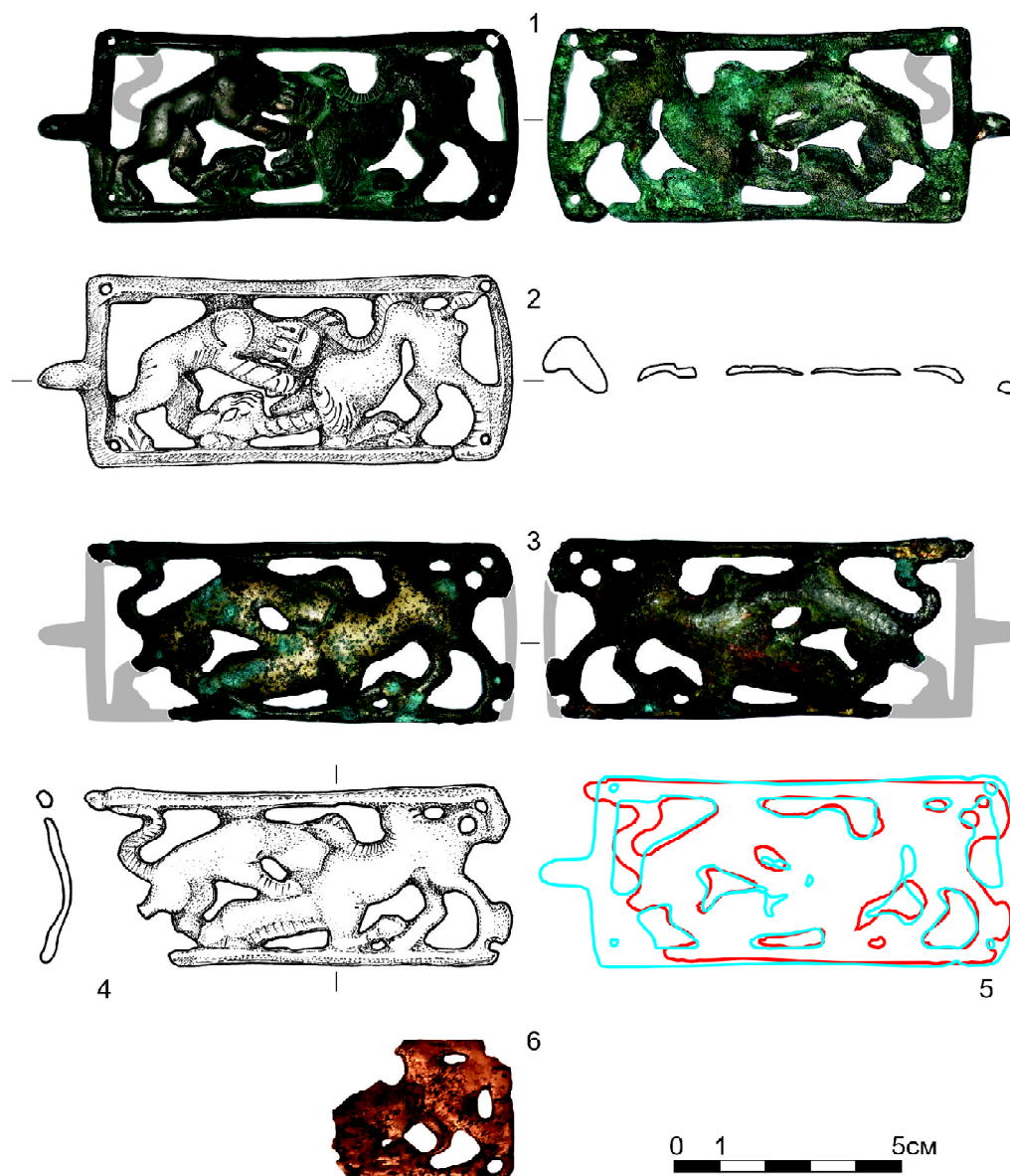

Рис. 2. Бронзовые поясные пряжки с изображениями схватки животных из Бухарского Согда:

- 1 – Шахривайрон, кург. 2 (автор фотографии – К.С. Окорочков); 2 – Шахривайрон, кург. 2 (рисунок К.С. Окорочкова);
3 – Лявандак, II юго-восточная группа, кург. 2 (автор фотографии – К.С. Окорочков); 4 – Лявандак, II юго-восточная группа, курган 2 (рисунок К.С. Окорочкова); 5 – совмещение абрисов пряжек из Шахривайрона (синий) и Лявандака (красный); 6 – Пайкенд-2024, Храм Огня, фависса (по: [Омельченко и др., 2025, рис. 19,8])

Fig. 2. Bronze belt buckles depicting animal fights from the Bukhara Sogd:

- 1 – Shakhriyayron, kurgan 2 (photo by K.S. Okorokov); 2 – Shakhriyayron, kurgan 2 (drawing by K.S. Okorokov);
3 – Lyavandak, II Southeastern group, kurgan 2 (photo by K.S. Okorokov); 4 – Lyavandak, II Southeastern group, kurgan 2 (drawing by K.S. Okorokov); 5 – superimposition of the buckle outlines from Shakhriyayron (blue) and Lyavandak (red);
6 – Paikend-2024, Temple of Fire, favissa (after: [Omelchenko et al., 2025, fig. 19,8])

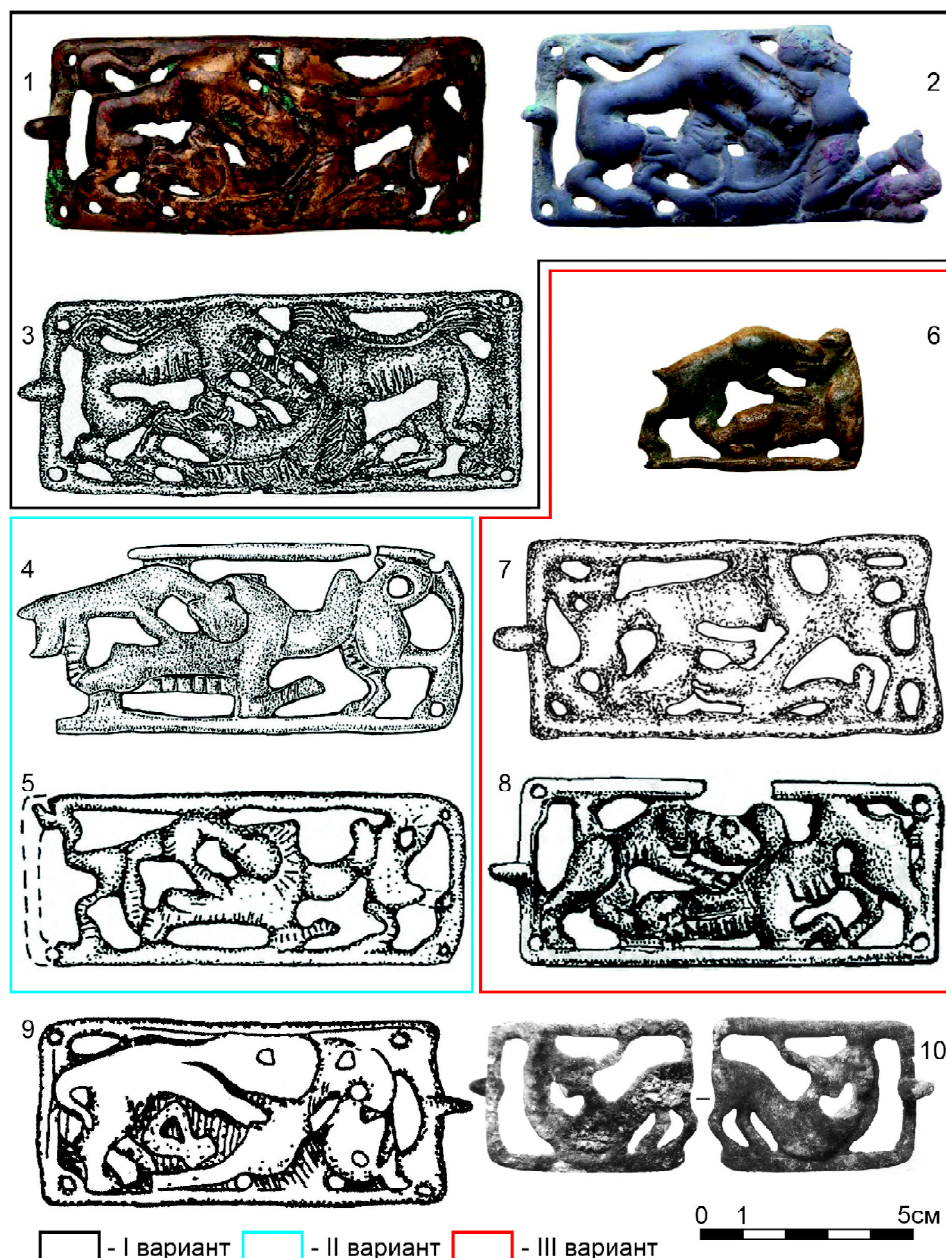

Рис. 3. Бронзовые поясные пряжки с изображениями схватки животных:

1 – Жусандыой (по: [Stöllner, Samašev, 2013, nr. 522]); 2 – Каратомар, кург. 1, яма 5А (по: [Логвин и др., 2019, рис. 2]); 3 – Писаревка II, кург. 6, погр. 2 (по: [Глебов, 2016, рис. 2,8]); 4 – Карамурун II, кург. 1 (по: [Королькова, 2006, табл. 55,3]); 5 – Петрунино II, кург. 1, погр. 4 (по: [Глебов, 2016, рис. 2,6]); 6 – Ванюши (по: [Госкаталог РФ. № 64464612]); 7 – Талдысай I, кург. 5, погр. 1 (по: [Мамедов, Виноградов, 2009, рис. 2,4]); 8 – Тастагым, разрушенное погребение (по: [Королькова, 2006, табл. 55,1]); 9 – Кривая Лука VII, кург. 9, погр. 28 (по: [Скрипкин, 2000, рис. 6,9]); 10 – Гхалекути II, погр. II, без масштаба (по: [Sono, Fukai, 1968, pl. XLV,8a–8b])

Fig. 3. Bronze belt buckles depicting animal fights:

1 – Zhusandyoy (after: [Stöllner, Samašev, 2013, Nr. 522]); 2 – Karatomar, kurgan 1, pit 5A (after: [Logvin et al., 2019, fig. 2]); 3 – Pisarevka, kurgan 6, burial 2 (after: [Glebov, 2016, fig. 2,8]); 4 – Karamurun II, kurgan 1 (after: [Korolkova, 2006, table 55,3]); 5 – Petrunino II, kurgan 1, burial 4 (after: [Glebov, 2016, fig. 2,6]); 6 – Vanyushy (after: [The State Catalog of the Russian Federation, № 64464612]); 7 – Taldysai I, kurgan 5, burial 1 (after: [Mamedov, Vinogradov, 2009, fig. 2,4]); 8 – Tastagym, ruined burial (after: [Korolkova, 2006, table 55,1]); 9 – Kryvaya Luka, kurgan 9, burial 28 (after: [Scripkin, 2000, fig. 6,9]); 10 – Ghalekuti II, tomb II, without scale (after: [Sono, Fukai, 1968, pl. XLV,8a–8b])

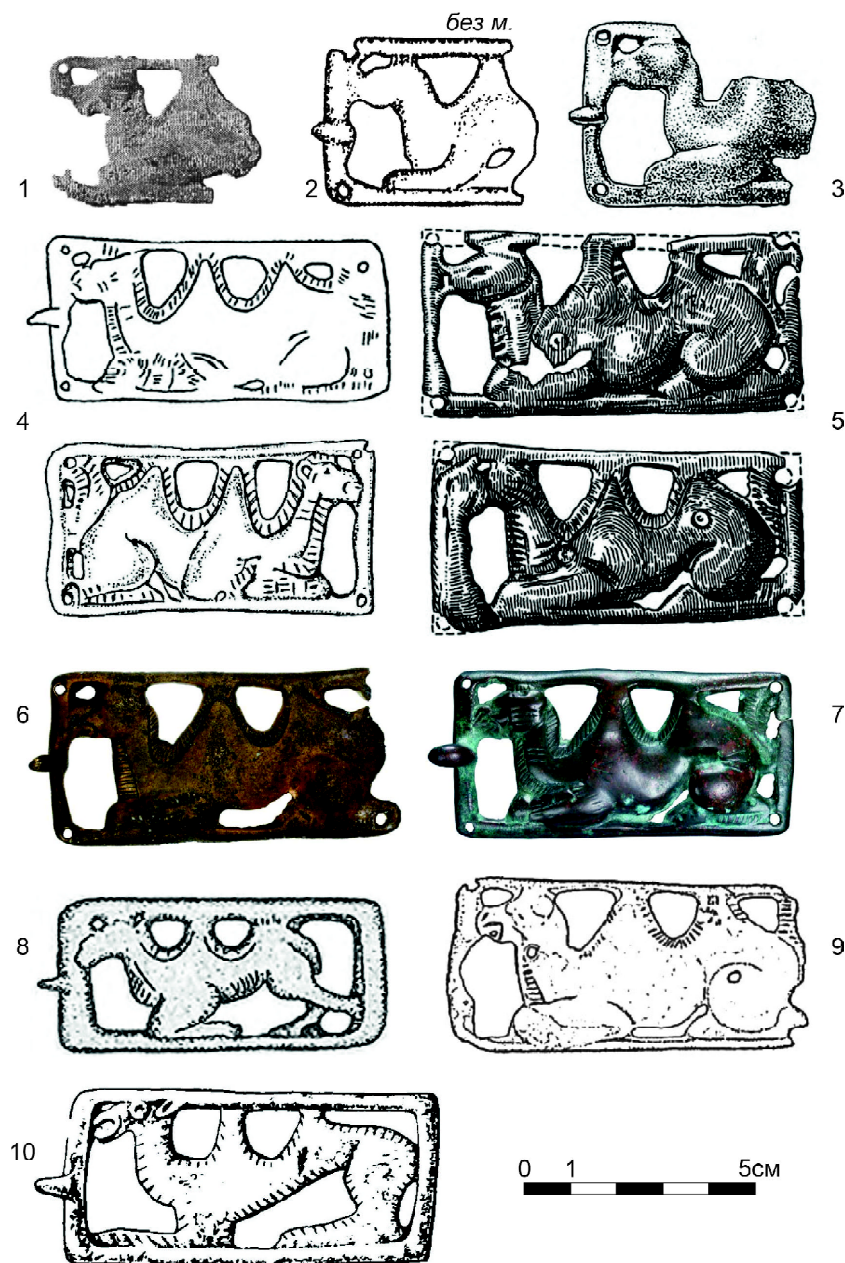

Рис. 4. Бронзовые пряжки с изображением лежащего верблюда:

1 – Шаштепа, погр. 2 (нижнее) (по: [Филанович, 2010, рис. 3,2]); 2 – Заливский, кург. 1, погр. 9 (по: [Скрипкин, 2000, рис. 6,6]); 3 – Верхнее Погромное, кург. 4, погр. 4 (по: [Глебов, 2016, рис. 2,4]); 4 – Белокаменка II, кург. 7, погр. 3 (по: [Мордвинцева, Шинкар, 1999, рис. 4,17]); 5 – Бабашов, ограда XIV (по: [Мандельштам, 1975, табл. XXXIII,8–9]); 6 – Ново-Калкашский II, кург. 2, погр. 5 (по: [Трейстер, 2019, рис. 1,1]); 7 – Донской, кург. 1/1991, погр. 21 (по: [Трейстер, 2019, рис. 1,2]); 8 – Косика, погр. 26 (по: [Глебов, 2016, рис. 2,5]); 9 – Красногоровка III, кург. 11, погр. 10 (по: [Глебов, Бабешко, 2012, рис. 1,5]); 10 – Веселый, кург. 2, погр. 6 (по: [Мошкова, 1963, табл. 25,16])

Fig. 4. Bronze buckles depicting a reclining camel:

1 – Shashtepa, burial 2 (lower) (after: [Filanovich, 2010, fig. 3,2]); 2 – Zalivsky, kurgan 1, burial 9 (after: [Skripkin, 2000, fig. 6,6]); 3 – Verkhnee Pogromnoe, kurgan 4, burial 4 (after: [Glebov, 2016, fig. 2,4]); 4 – Belokamenka II, kurgan 7, burial 3 (after: [Mordvintseva, Shinkar, 1999, fig. 4,17]); 5 – Babashov, fence XIV (after: [Mandelstam, 1975, tables XXXIII,8–9]); 6 – Novo-Kalkashsky II, kurgan 2, burial 5 (after: [Treister, 2019, fig. 1,1]); 7 – Donskoy, kurgan 1/1991, burial 21 (after: [Treister, 2019, fig. 1,2]); 8 – Kosika, burial 26 (after: [Glebov, 2016, fig. 2,5]); 9 – Krasnogorovka III, kurgan 11, burial 10 (after: [Glebov, Babeshko, 2012, fig. 1,5]); 10 – Vesely, kurgan 2, burial 6 (after: [Moshkova, 1963, tables 25,16])

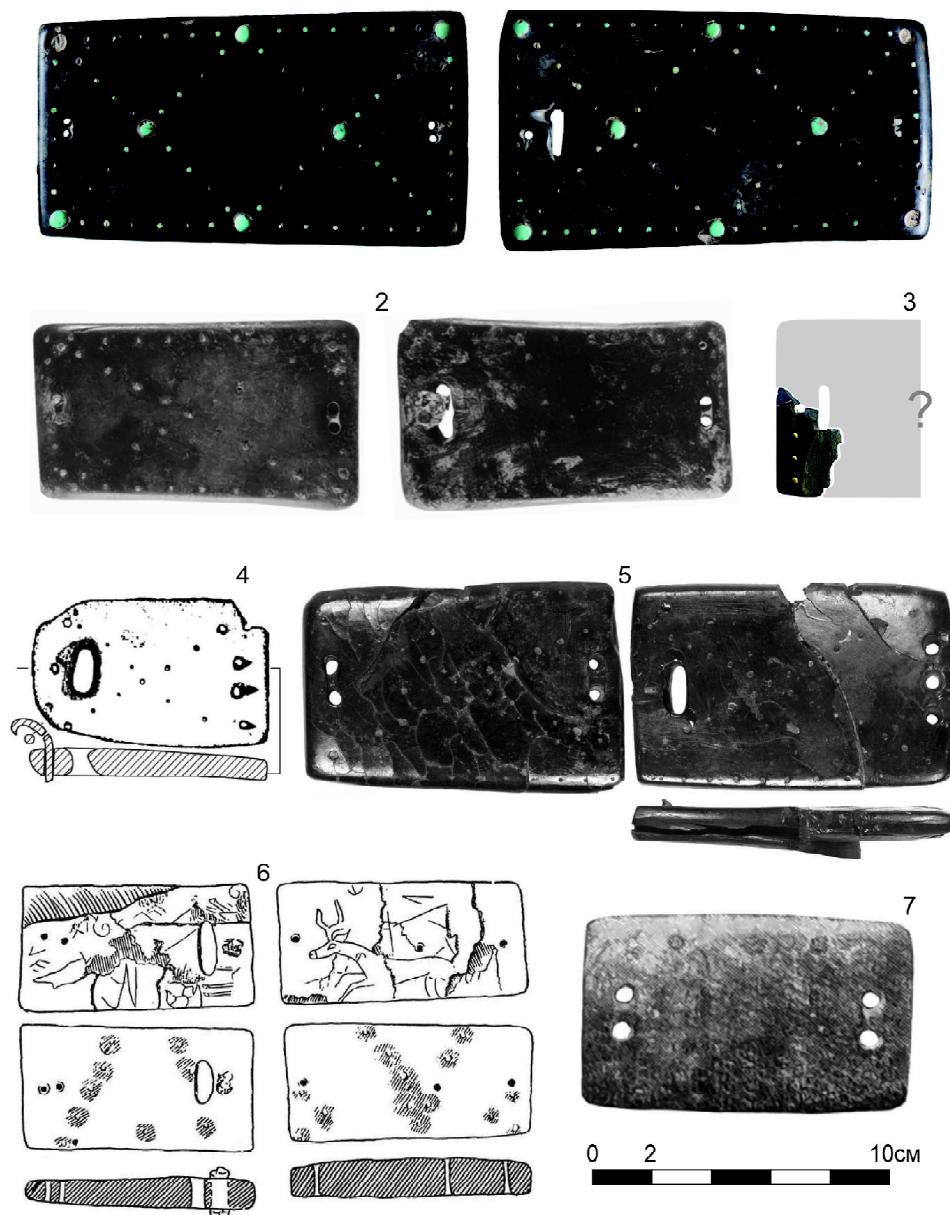

Рис. 5. Гагатовые пряжки:

1 – Кызыл-тепе, кург. 2 (по: [Nawroth, Wemhoff, 2023, kat. 175]); 2 – Кызыл-тепе, кург. 13 (по: [Обельченко, 1981, с. 671]); 3 – Пайкенд (по: [Холов, Омельченко, 2025, с. 75]); 4 – Питерка, кург. 1, погр. 9 (по: [Ляхов, Половинкина, 2009, рис. 9,7]); 5 – Жутово, кург. 27, погр. 4 (по: [Раев, 2017, рис. 1,б]); 6 – Жаман-Тогай, кург. 21 (по: [Максимова и др., 1968, рис. 5]); 7 – Кую-мазар, кург. 31 (по: [Обельченко, 1956, рис. 13])

Fig. 5. Jet buckles:

1 – Kyzyl-tepe, kurgan 2 (after: [Nawroth, Wemhoff, 2023, cat. 175]); 2 – Kyzyl-tepe, kurgan 13 (after: [Obelchenko, 1981, p. 671]); 3 – Paikend (after: [Kholov, Omelchenko, 2025, p. 75]); 4 – Piterka, kurgan 1, burial 9 (after: [Lyakhov, Polovinkina, 2009, fig. 9,7]); 5 – Zhutovo, kurgan 27, burial 4 (after: [Raev, 2017, fig. 1,b]); 6 – Zhaman-Togai, kurgan 21 (after: [Maksimova et al., 1968, fig. 5]); 7 – Kuyu-mazar, kurgan 31 (after: [Obelchenko, 1956, fig. 13])

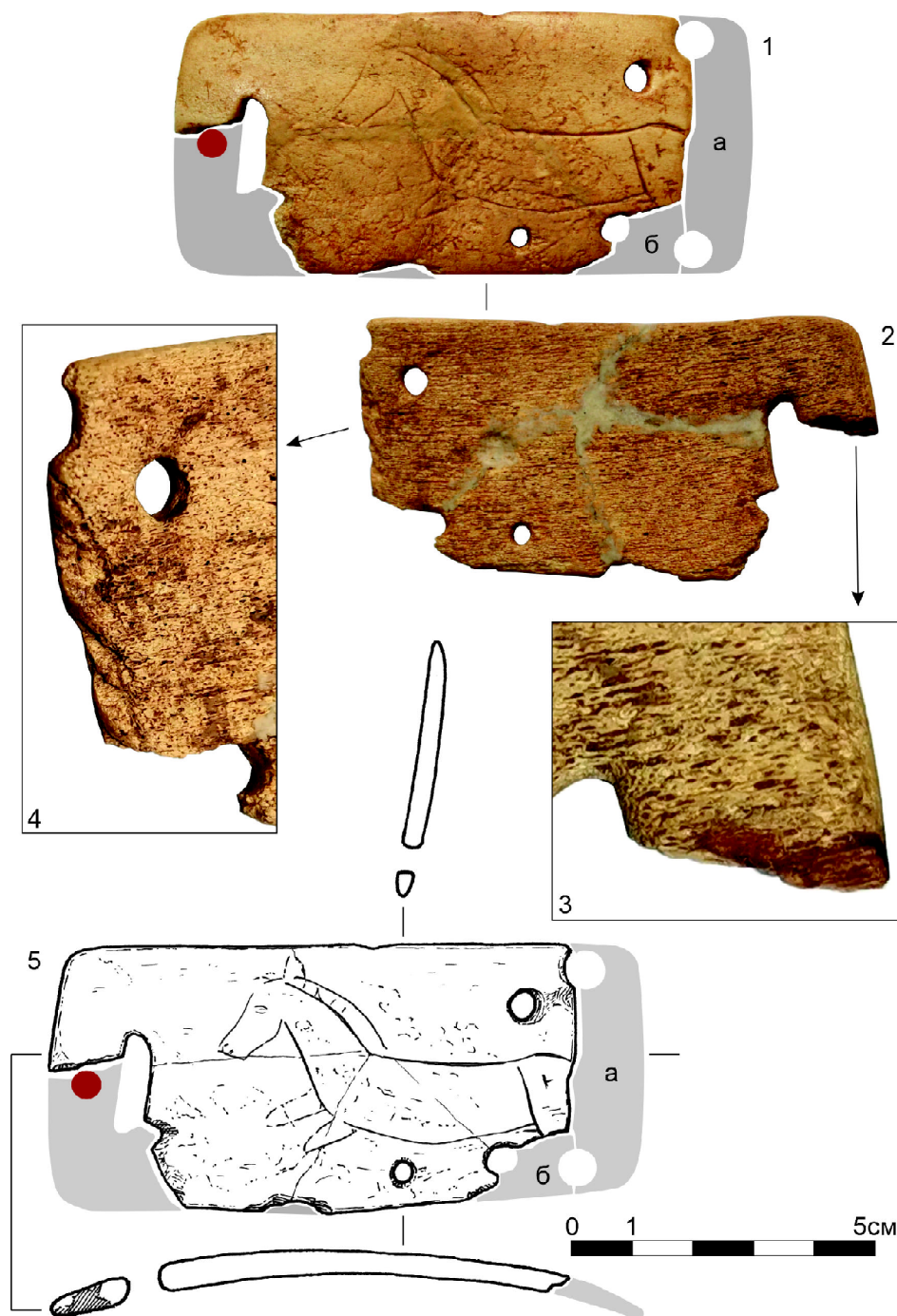

Рис. 6. Костяная пряжка. Туз-гыр, кург. 19, впускное погребение (автор фотографий – К.С. Окоороков):

1 – лицевая сторона; 2 – оборотная сторона; 3 – следы окислов на сломе; 4 – обломанный край;

5 – рисунок К.С. Окоорокова

Fig. 6. Bone buckle. Tuz-gyr, kurgan 19, secondary burial (photos by K.S. Okorokov):

1 – obverse side; 2 – reverse side; 3 – traces of oxides on the break; 4 – broken edge;

5 – drawing by K.S. Okorokov

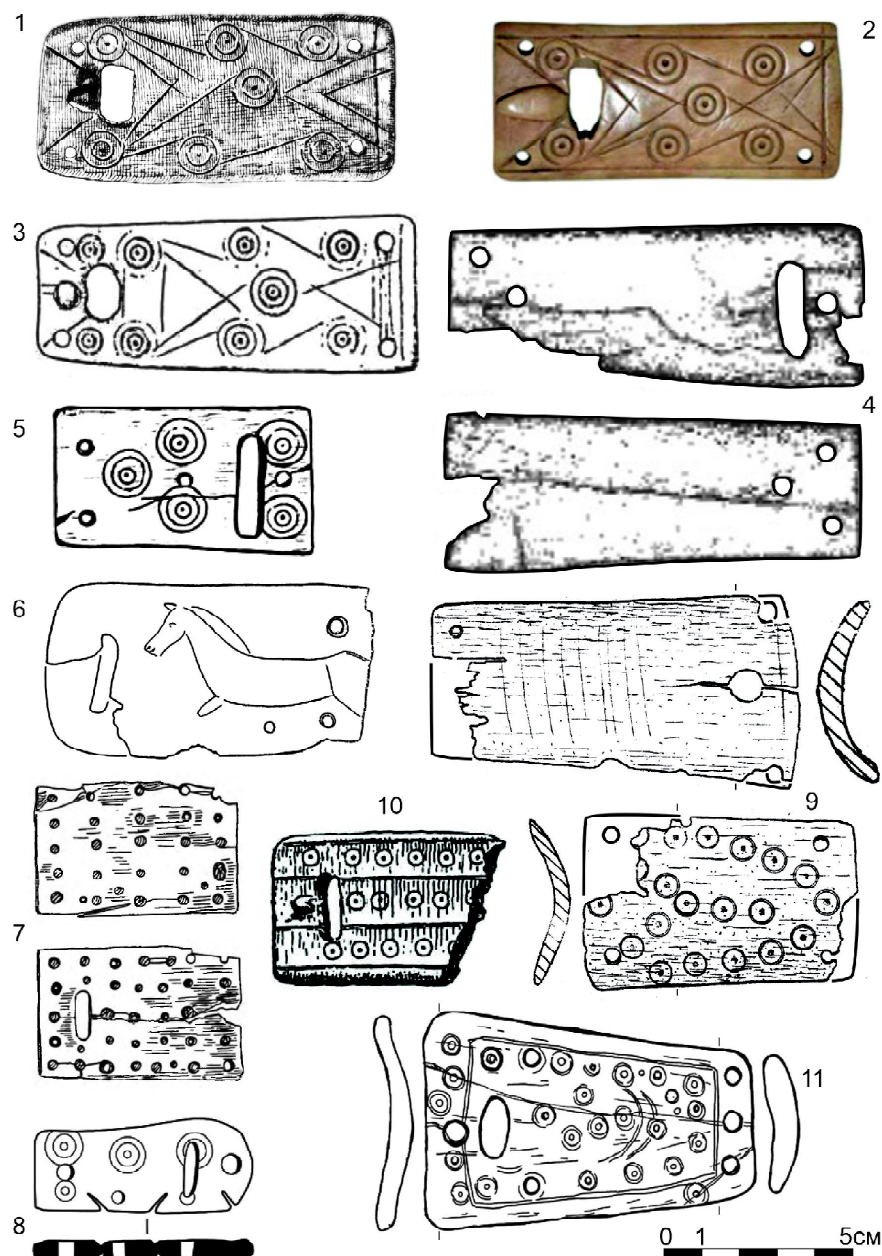

Рис. 7. Костяные пряжки и некоторые аналогии:

1 – Кую-мазар, кург. 7 (по: [Обельченко, 1956, рис. 5]); 2 – мавзолей Егистик (по: [Treasures of Shirik Rabat ... , 2024, p. 113]); 3 – Подгорненский VI, кург. 1, погр. 11 (по: [Глебов, 2023, рис. 2,1]); 4 – Кеныш-3 (по: [Сеитов и др., 2021, рис. 3]); 5 – Кампыртепа (по: [Лунева, 2001, рис. 2,1]); 6 – Туз-гыр, кург. 19 (по: [Трудновская, 1979, рис. 4,39]); 7 – Верхнее Погромное I, кург. 1, погр. 13 (по: [Шилов, 1975, рис. 36,1]); 8 – Ондырыс II, кург. 4 (по: [Ярыгин, 2023, рис. 6,9]); 9 – Жалтырь, погр. 2 (по: [Хабдулина, 1994, табл. 39,10–11]); 10 – Шаушукум, кург. 86 (по: [Максимова и др., 1968, табл. XXVII,13]); 11 – Кызыл-тепе, кург. SC-K17 (по: [Ван и др., 2020, рис. 14])

Fig. 7. Bone buckles and some parallels:

1 – Kuyu-mazar, kurgan 7 (after: [Obelchenko, 1956, fig. 5]); 2 – Yegistik mausoleum (after: [Treasures of Shirik Rabat ... , 2024, p. 113]); 3 – Podgornensky VI, kurgan 1, burial 11 (after: [Glebov, 2023, fig. 2,1]); 4 – Kenysh-3 (after: [Seitov et al., 2021, fig. 3]); 5 – Kamyrtapa (after: [Luneva, 2001, fig. 2,1]); 6 – Tuz-gyr, kurgan 19 (after: [Trudnovskaya, 1979, fig. 4,39]); 7 – Verkhneye Pogromnoye I, kurgan 1, burial 13 (after: [Shilov, 1975, fig. 36,1]); 8 – Ondyris II, kurgan 4 (after: [Yarygin, 2023, fig. 6,9]); 9 – Zhaltyr, burial 2 (after: [Khabdulina, 1994, tables 39,10–11]); 10 – Shaushukum, kurgan 86 (after: [Maksimova et al., 1968, tables XXVII,13]); 11 – Kyzyl-tepe, kurgan SC-K17 (after: [Wang et al., 2020, fig. 14])

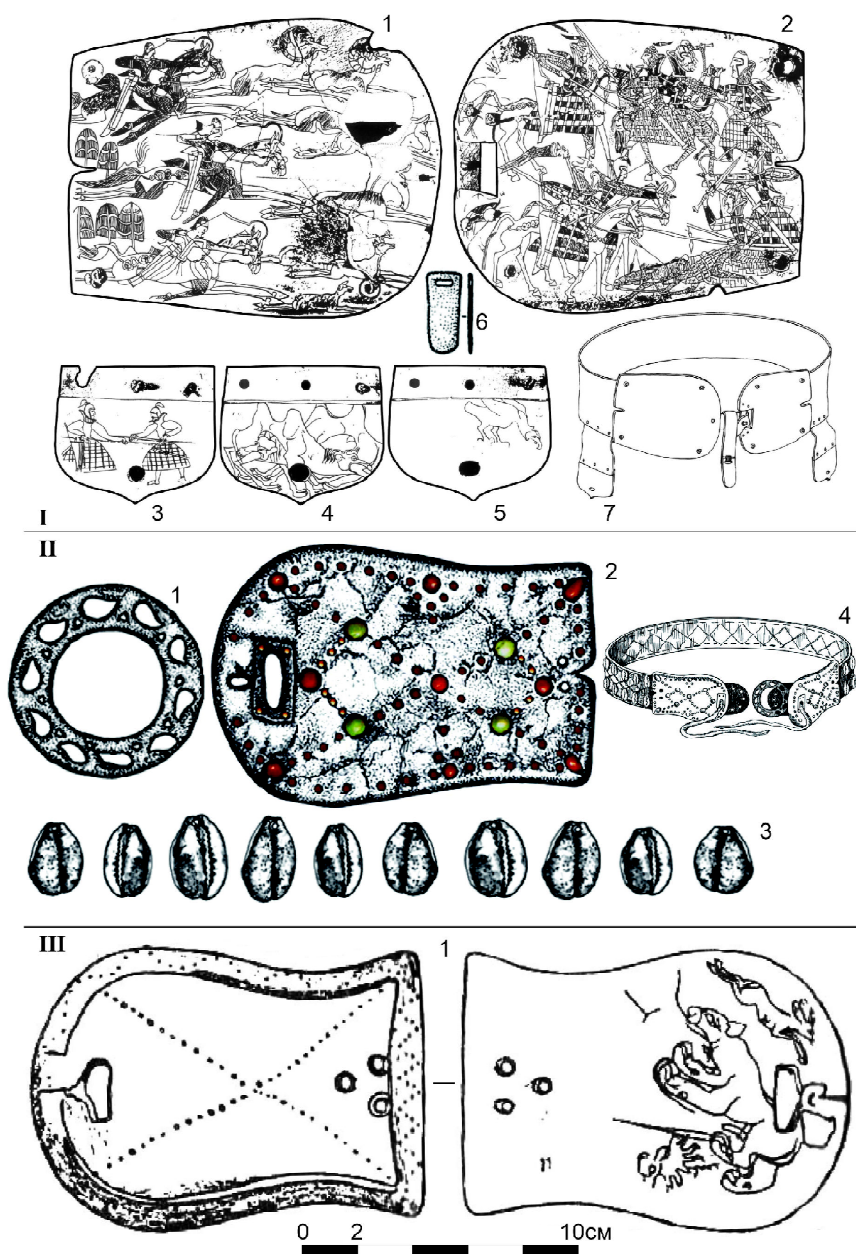

Рис. 8. Поясные наборы с эллипсо-квадратными пряжками:

I – Орлат, кург. 2 (по: [Ильясов, Русанов, 1997/1998, pl. IV, V, VIII]); II – Культобе, кург. 3 (по: [Подушкин, 2012, рис. 1, 3, 4]); III – Абатский-3, кург. 6, погр. 10 (по: [Матвеева, 1994, рис. 58,8])

Fig. 8. Belt sets with ellipso-square buckles:

I – Orlat, kurgan 2 (after: [Ilyasov, Rusanov, 1997/1998, pl. IV, V, VIII]); II – Kultobe, kurgan 3 (after: [Podushkin, 2012, fig. 1, 3, 4]); III – Abatsky-3, kurgan 6, burial 10 (after: [Matveeva, 1994, fig. 58,8])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акбулатов И. М., 1998. Ново-Калкашский II курганный могильник на р. Стерля // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. С. 121–137.
- Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И., 2018. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Т. 2 : Курганный могильник у с. Новоалександровка. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. I. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. 240 с.
- Богданов Е. С., 2006. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН. 240 с.
- Боровкова Л. А., 1989. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М. : Наука. 181 с.
- Броссесдер У., Марсадолов Л. С., 2010. Новые радиоуглеродные даты для Иволгинского археологического комплекса объектов в Забайкалье (предварительные результаты) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 4. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та. С. 183–186.
- Ван Ш., Мирзаахмедов С., Штарк С., 2020. Раскопки курганов у оазисной стены Кампир Девор Бухарского Согда в 2018 году (Лявандак и Кызыл-тепа) // Археологические исследования в Узбекистане 2018–2019 годов. Самарканд : Нац. центр археологии Самарканд. Ин-та археологии АН РУз. С. 62–72.
- Глебов В. П., 2016. Пряжки с зооморфными изображениями в раннесарматской культуре Нижнего Подонья // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 69–79.
- Глебов В. П., 2023. Пряжки и поясные бляхи нижнедонской раннесарматской культуры II–I вв. до н.э. // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматских и сарматских культур : материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. памяти А.С. Скрипкина, г. Волгоград, 15–19 мая 2023 г. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 134–148.
- Глебов В. П., Бабешко И. Г., 2012. Раннесарматское погребение с зооморфной пряжкой из могильника Красногоровка III // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2010 г. Вып. 26. Азов : Изд-во Азов. музея-заповедника. С. 281–291.
- Горячев А. А., Яценко С. А., Егорова Т. А., 2016. Костяная пластина с гравированной композицией из поселения раннего железного века Кызылбулак-IV в верховьях реки Турген // Актуальные проблемы археологии Евразии. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана. С. 632–648.
- Давыдова А. В., 1985. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л. : Изд-во ЛГУ. 111 с.
- Давыдова А. В., 1995. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1 : Иволгинское городище. Вып. 1. СПб. : Фонд «АзиатИКА». 97 с.
- Давыдова А. В., 1996. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2 : Иволгинский могильник. Вып. 2. СПб. : Петербургское востоковедение. 176 с.
- Дробышев Ю. И., 2009. Еще раз о понятии «Центральная Азия» // Центральная Азия и Южная Сибирь. Альманах. Вып. I. М. : Пробел – 2000. С. 104–138.
- Дэвлет М. А., 1980. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. // Свод археологических источников. Вып. Д4–7. М. : Наука. 66 с.
- Ильясов Дж. Я., 2015. Поясные наборы кочевников Согда // Труды Государственного Эрмитажа. LXXV. С. 63–67.
- Ильясов Дж. Я., 2021. Орлатский поясной набор // Согдиана – сердце Шелкового Пути. Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира. Т. XXXV. Ташкент : Zamon-press. С. 28–39.
- Ильясов Дж. Я., 2025. Кочевники в Согдиане. Историко-культурный контекст орлатских находок. СПб. : Евразия. 480 с.
- Ильясов Дж. Я., Каниут К., Грубер М., 2013. Тахтисангинские пластины – шкатулка или поясной набор // Последний энциклопедист. К юбилею со дня рождения Б.А. Литвинского. М. : ИВ РАН. С. 185–199.
- Казахское искусство, 2013. Т. I. Древнее искусство. Алматы : Елнур. 240 с.
- Килуновская М. Е., Леус П. М., 2018. Новые данные по социальной структуре населения Тувы в конце I тыс. до н.э. // Мужской и женский мир в отражении археологии : материалы Всерос. с междунар. участием науч. конф., г. Уфа, 19–22 ноября 2018 г. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. С. 126–136.

- Килуновская М. Е., Леус П. М., 2020. Пряжки из сибирского гагата в погребениях эпохи хунну II–I вв. до н.э. в Туве // *Археологические вести*. Вып. 30. С. 223–253.
- Килуновская М. Е., Леус П. М., 2024. О связях Тувы и Средней Азии в эпоху хунну // *Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до средневековья : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию А.М. Беленицкого, 95-летию В.М. Массона и 100-летию Ю.А. Заднепровского*, Санкт-Петербург, 5–8 ноября 2024 г. СПб. : ИИМК РАН. С. 298–302.
- Коновалов П. Б., 2008. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 98 с.
- Королькова Е. Ф., 2006. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб. : Петербургское востоковедение. 272 с.
- Кузьмин Н. Ю., 2011. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб. : Айсинг. 456 с.
- Логвин А. В., Шевнина И. В., Сеитов А. М., 2019. Раннесарматское погребение кургана 1 могильника Каратомар // *Маргулановские чтения : материалы Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева*. Нур-Султан : Globus. С. 316–327.
- Лунева В. В., 2001. Ювелирные украшения из Кампыртепа // *Материалы Тохаристанской экспедиции*. Вып. 2. Ташкент : SAN'AT. С. 113–128.
- Ляхов С. В., Мордвинцева В. И., 2000. Раннесарматское погребение у поселка Питерка Саратовской области // *Российская археология*. № 3. С. 102–109.
- Ляхов С. В., Половинкина Ю. С., 2009. Курган раннего железного века у поселка Питерка в Саратовском Заволжье // *Археология Восточно-Европейской степи*. Вып. 7. Саратов : Науч. кн. С. 196–231.
- Максимова А. Г., Мерциев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. И., 1968. Древности Чардары (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата : Наука. 263 с.
- Мамедов А. М., Виноградов С. М., 2009. Катакомбные погребения раннего железного века могильника Талдысай I (Актюбинская область) // *Этнические взаимодействия на Южном Урале*. Челябинск : ЮУрГУ. С. 102–106.
- Мамонтов В. И., 2002. Сарматские погребения из курганного могильника Писаревка II // *Нижеволжский археологический вестник*. Вып. 5. С. 251–259.
- Мандельштам А. М., 1966. Кочевники на пути в Индию. М. ; Л. : Наука. 232 с.
- Мандельштам А. М., 1975. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л. : Наука. 228 с.
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М., 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука. 436 с.
- Маслов В. Е., 1999. О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // *Евразийские древности*. 100 лет Б.Н. Гракову : архивные материалы, публикации, статьи. М. : ИА РАН. С. 219–236.
- Матвеева Н. П., 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск : Наука. 152 с.
- Миняев С. С., 2007. Дырестуйский могильник. Археологические памятники сюнну. Вып. 3. СПб. : Филол. фак. СПбГУ. 233 с.
- Мордвинцева В. И., Шинкарь О. А., 1999. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // *Нижеволжский археологический вестник*. Вып. 2. С. 138–148.
- Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. М. : Изд-во АН СССР. 56 с.
- Обельченко О. В., 1956. Кую-мазарский могильник // *Труды института истории и археологии АН Узбекской ССР*. Т. VIII. Ташкент : Изд-во АН УзССР. С. 205–227.
- Обельченко О. В., 1961. Лявндакский могильник // *Труды института истории и археологии Узбекистана*. Ташкент : Изд-во АН УзССР. Вып. 2. С. 97–176.
- Обельченко О. В., 1968. Лявндакская пряжка (к истории ранних кушан) // *Общественные науки в Узбекистане*. № 8. Ташкент : Изд-во АН УзССР. С. 53–56.
- Обельченко О. В., 1978. Шахривайронская пряжка // *История и археология Средней Азии*. Ашхабад : Ылым. С. 68–81.
- Обельченко О. В., 1981. Культура древних кочевников долины Зарафшана: По материалам раскопок курганов VII в. до н.э. – VII в.н.э. : дис. ... д-ра ист. наук. М. 678 с.

- Обельченко О. В., 1992. Культура античного Согда. М. : Наука. 256 с.
- Окороков К. С., 2025. Раннекочевнический могильник Шахривайрон в Бухарском Согде // Восток (Oriens). № 5. С. 240–260.
- Омельченко А. В., 2019. Исследования Бухарской археологической экспедиции в Пайкенде // Восток (Oriens). № 6. С. 85–99. DOI: 10.31857/S086919080007750-2
- Омельченко А. В., Мирзаахмедов Д. К., Холов Д. О., Собиров Н. Д., Собиров Э. Н., Кулиш А. В., Тойиров Р. М., Жумаева М. Д., 2025. Работы Бухарской археологической экспедиции в Пайкенде в 2024 г. // Археологические исследования в Узбекистане: 2024 год. Вып. 17. Самарканд : Самарканд. археол. ин-т им. Я. Гулямова. С. 163–189.
- Подушкин А. Н., 2012. К этнической истории государства Кангюй II в. до н.э. – I в. н.э. (по материалам могильников Орлат и Культобе) // *Stratum plus*. № 4. С. 31–53.
- Пшеницына М. Н., 1992. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука. С. 224–235.
- Пэрлээ Д., 1976. Монголын түүх судлах сурвалжийн нэгэн нь пайз мөн // *Studia Historica Instituti Academiae Scientiarum Reipublicae Populi Mongolici*. Т. XII. Fasc. 7. Улаанбаатар : Шинжлэх ухааны Академийн хэвлэл. Х. 90–99.
- Раев Б. А., 2017. Гагатовые пряжки из Жутовского могильника. Археологические признаки миграций // *Ex Ungue Leonem* : сб. ст. к 90-летию Льва Самуйловича Клейна. СПб. : Нестор-История. С. 291–305.
- Руденко С. И., 1962. Сибирская коллекция Петра I. Свод археологических источников. Вып. ДЗ-9. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 52 с.
- Сеитов А. М., 2011. Сарматские памятники Торгайской степи // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. II. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана. С. 134–144.
- Сеитов А. М., 2020. Поясные пряжки раннесарматского времени Тургая // Самарский научный вестник. Т. 9, № 1 (30). С. 141–146.
- Сеитов А. М., Базарбаева Г. А., Джумабекова Г. С., 2021. Раннесарматское погребение курганной группы Кеныш 3 в Казахском Притоболье // *Поволжская археология*. № 1 (35). С. 37–48.
- Сергацков И. В., 1990. Раскопки курганов на Иловле // Древности Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград : Перемена. С. 26–29.
- Скрипкин А. С., 2000. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // *Нижеволжский археологический вестник*. Вып. 3. С. 17–40.
- Скрипкин А. С., 2019. Кочевой мир юга Восточной Европы во II–I вв. до н.э. (восточные инновации, факты, причины, последствия) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24, № 1. С. 20–34. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.2>
- Скрипкин А. С., Шинкарь О. А., 2010. Жутовский курган № 27 сарматского времени в Волго-Донском междуречье // *Российская археология*. № 1. С. 125–137.
- Тетерин Ю. В., 2015. Поясные подвески хуннской эпохи Южной Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 14, вып. 5 : Археология и этнография. С. 51–60.
- Трейстер М. Ю., 2019. «Импорты» из Центральной Азии и Сибири в погребальных памятниках Азиатской Сарматии II–I вв. до н.э. // Проблемы истории, филологии и культуры. № 4. С. 180–239.
- Трудновская С. А., 1979. Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Туз-гыр // Кочевники на границах Хорезма (ТХАЭЭ Т. XI). М. : Наука. С. 101–110.
- Филанович М. И., 2010. Древний Чач на пути евразийских миграций кочевников // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии : сб. ст. в честь П. Бернара. Ташкент : Noshirlik yog'disi Press. С. 204–216.
- Хабдулина М. К., 1994. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы : Ракурс. 170 с.
- Холов Д. О., Омельченко А. В., 2025. Новые археологические находки в Бухарском оазисе и их реставрация // *Terra artis*. Искусство и дизайн. № 1. С. 71–82. DOI: 10.53273/27128768_2025_1_71
- Шарапова С. В., Малашев В. Ю., 2022. Хроноиндикаторы I–III вв. н.э. из лесостепных памятников Тоболо-Иртышья // *Нижеволжский археологический вестник*. Т. 21, № 1. С. 171–192. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.9>
- Шилов В. П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л. : Наука. 208 с.

- Шилов В. П., 1991. О связях древнего населения калмыцкой степи с северо-западными соседями // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста : Калмыц. ин-т обществ. наук АН СССР. С. 21–66.
- Ярыгин С. А., 2023. Гравированные накладки на лук из кургана № 4 могильника Ондырыс II (Северный Казахстан) // Археология Казахстана. № 2 (20). С. 61–80.
- Brosseder U., 2011. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // Brosseder U., Miller B. K. Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5. Bonn : Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität. P. 349–424.
- Erdenechuluun P., 2011. The Sword of Heaven: Culture of Bronze Artefacts of the Bronze Age and Hunnu Empire. Ulaanbaatar : Sunny Mongolia Today. 496 p.
- Gruber M., Ilyasov J. Ya., Kaniuth K., 2012. A Decorated Ivory Belt from Tilla Bulak, Southern Uzbekistan // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 18 (2). Leiden : Brill Academic Publishers. P. 339–375.
- Heikel A., 1894. Antiquités de la Sibérie occidentale: conservées dans les musées de Tomsk, de Tobolsk, de Tumen, d'Ékatérinebourg, de Moscou et d'Helsingfors. Helsingfors : Imprimerie de la société de littérature finnoise. 111 p.
- Ilyasov J. Y., Rusanov D. V., 1997/1998. A Study on the Bone Plates from Orlat // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 5. Kamakura : Institute of Silk Road Studies. P. 107–159.
- Nawroth M., Wemhoff M., 2023. Archäologische Schätze aus Usbekistan. Von Alexander dem Großen bis zum Reich der Kuschan. Berlin : Kulturverlag Kadmos. 447 s.
- Pan L., 2018. On the Evolution of Belt Items of Northern China and Mongolia Through 1st to 2nd Century B.C. // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая : материалы IX Междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 10–14 сентября 2018 г.). Т. 1. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. С. 126–134.
- Simonenko A. V., 2001. Chinese and East Asian Elements in Sarmatian Culture of the North Pontic Region // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 7. Kamakura : Institute of Silk Road Studies. P. 53–71.
- Sono T., Fukai S., 1968. Dailaman III. The Excavation at Hassane Mahale and Ghalekuti, 1964 // The Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition. Report 8. Tokyo : The Institute of Oriental Culture. 102 p. 88 pl.
- Stöllner T., Samašev Z., 2013. Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museum Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. Bochum : Deutsche Bergbau-Museum Bochum. 532 S.
- The Year One: Art of Ancient World East and West, 2000. New York : The Metropolitan Museum of Art ; New Heaven : Yale University Press. 220 p.
- Treasures of Shirik Rabat. Album-book, 2024. Almaty : Margulan Institute of Archaeology. 176 p.
- Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the First Nomadic Empire in Mongolia, 2011. Ulaanbaatar : Shua-iin Arkheologiin khureelen ; Mongolyn Undesnii muzei. 296 p.

REFERENCES

- Akbulatov I.M., 1998. Novo-Kalkashskii II kurganniy mogilnik na r. Sterlya [Novo-Kalkashsky II Burial Mound on the Sterlya River]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], iss. 1, pp. 121–137.
- Bespalyy Ye.I., Lukyashko S.I., 2018. *Drevnee naselenie mezhdu rechya Dona i Kagalnika. T. 2. Kurgannii mogilnik u s. Novoaleksandrovka* [The Ancient Population of the Interfluvium of the Don and Kagalnik. Vol. 2. Kurgan Burial Ground near the Village of Novoaleksandrovka]. Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii, iss. I. Rostov-on-Don, SSC RAS. 240 p.
- Bogdanov Ye.S., 2006. *Obraz khishchnika v plasticheskom iskusstve kochevikh narodov Tsentralnoy Azii* [The Image of a Predator in the Plastic Art of the Nomadic Peoples of Central Asia.]. Novosibirsk, IAE SB RAS. 240 p.
- Borovkova L.A., 1989. *Zapad Tsentralnoy Azii vo II v. do n.e. – VII v. n.e. (istoriko-geograficheskii obzor po drevnekitaiskim istochnikam)* [West of Central Asia in the 2nd Century BC – 7th Century AD (Historical and Geographical Review Based on Ancient Chinese Sources)]. Moscow, Nauka Publ. 181 p.
- Brosseder U., Marsadolov L.S., 2010. Novie radiouglerodnye dati dlya Ivolginskogo arkheologicheskogo kompleksa obektov v Zabaikale (predvaritelnye rezultaty) [New Radiocarbon Dates for the Ivolginsky Archaeological Site Complex in Transbaikalia (Preliminary Results)]. *Central'naya Aziya i Pribajkal'e v drevnosti* [Central Asia and the Baikal Region in Ancient Times], iss. 4. Ulan-Ude, Publishing House of the Buryat State University, pp. 183–186.

- Van Sh., Mirzaakhmedov S., Shtark S., 2020. Raskopki kurganov u oazisnoy steni Kampir Devor Bukharskogo Sogda v 2018 godu (Lyavandak i Kizil-tepa) [Excavation of Mounds at the Oasis Wall of the Campir Devor of the Bukhara Sogd in 2018 (Lyavandak and Kyzyl-tepa)]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane 2018–2019 godov* [Archaeological Research in Uzbekistan 2018–2019]. Samarkand, The National Center of Archeology of the Samarkand Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, pp. 62–72.
- Glebov V.P., 2016. Pryazhki s zoomorfnimi izobrazheniyami v rannesarmatskoy kulture Nizhnego Podonya [Buckles with Zoomorphic Images in the Early Sarmatian Culture of the Lower Don Region]. *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemi sarmatskoy arkheologii* [Konstantin Fedorovich Smirnov and Modern Problems of Sarmatian Archeology]. Orenburg, OGPU, pp. 69–79.
- Glebov V.P., 2023. Pryazhki i pojasnye blyakhi nizhnedonskoy rannesarmatskoy kultury II–I vv. do n.e. [Buckles and Belt Plates of the Lower Don Early Sarmatian Culture 2nd – 1st Centuries BC]. *Regionalnie osobennosti khronologii i periodizatsii savromatskikh i sarmatskikh kultur: materialy XI Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii», posvyashch. pamyati A.S. Skripkina, g. Volgograd, 15–19 maya 2023 g.* [Chronology and Periodization of the Sauromat and Sarmatian Cultures: Regional Features. Proceedings of the 11th All-Russian Scientific Conference with International Participation “Problems of Sarmatian Archeology and History” Dedicated to the Memory of Prof. Anatoly S. Skripkin, May 15–19, 2023, Volgograd]. Volgograd, VolSU, pp. 134–148.
- Glebov V.P., Babeshko I.G., 2012. Rannesarmatskoe pogrebenie s zoomorfnoy pryazhkoy iz mogilnika Krasnogorovka III [Early Sarmatian Burial with a Zoomorphic Buckle from the Krasnogorovka III Burial Ground]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2010 g.* [Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don in 2010], iss. 26. Azov, Azov Museum-Reserve, pp. 281–291.
- Goryachev A.A., Yatsenko S.A., Yegorova T.A., 2016. Kostyanaya plastina s gravirovannoy kompozitsiei iz poseleniya rannego zheleznogo veka Kyzylbulak-IV v verkhovyakh reki Turgen [A Bone Plate with an Engraved Composition from the Early Iron Age Settlement of Kyzylbulak IV in the Upper Reaches of the Turgen River]. *Aktualnye problemy arkheologii Yevrazii* [Current Problems of Eurasian Archaeology]. Almaty, Margulan Institute of Archaeology, pp. 632–648.
- Davydova A.V., 1985. *Ivolginskiy kompleks (gorodishche i mogilnik) – pamyatnik khunnu v Zabaikale* [Ivolginsky Complex (Ancient Settlement and Burial Ground) – A Monument of Xiongnu in Transbaikalia]. Leningrad, LSU. 111 p.
- Davydova A.V., 1995. *Ivolginskiy arkheologicheskiy kompleks. T. 1: Ivolginskoe gorodishche* [Ivolginsky Archaeological Complex. Vol. 1: Ivolginsky Settlement], iss. 1. Saint Petersburg, Fond «AziaIKA» Publ. 97 p.
- Davydova A.V., 1996. *Ivolginskiy arkheologicheskiy kompleks. T. II: Ivolginskii mogilnik* [Ivolginsky Archaeological Complex. Vol. II: Ivolginsky Cemetery], iss. 2. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ. 176 p.
- Drobyshev Yu.I., 2009. Eshhe raz o ponyatii «Tsentralnaya Aziya» [Once Again About the Concept of “Inner Asia”]. *Tsentralnaya Aziya i Yuzhnaya Sibir. Almanakh* [Inner Asia and Southern Siberia. The Almanac], iss. I. Moscow, Probel – 2000 Publ., pp. 104–138.
- Devlet M.A., 1980. *Sibirskie pojasnye azhurnye plastiny II v. do n.e. – I v. n.e.* [Siberian Belt Lace Plates of the 2nd Century BC – 1st Century AD]. Moscow, Nauka Publ. 66 p.
- Ilyasov Dzh.Ya., 2015. Pojasnye nabory kochevnikov Sogda [Belt Sets of the Nomads of Sogd]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage]. LXXV, pp. 63–67.
- Ilyasov Dzh.Ya., 2021. Orlatskiy pojasnoy nabor [Orlat Belt Set]. *Sogdiana – serdtse Shelkovogo Puti* [Sogdiana is the Heart of the Silk Road]. Kulturnoe nasledie Uzbekistana v sobraniyakh mira, iss. XXXV, Tashkent, Zamon-press, pp. 28–39.
- Ilyasov Dzh.Ya., 2025. *Kochevniki v Sogdiane. Istoriko-kulturnii kontekst orlatskikh nakhodok* [Nomads in Sogdiana. The Historical and Cultural Context of the Orlat Finds]. Saint Petersburg, Evraziya Publ. 480 p.
- Ilyasov Dzh.Ya., Kaniut K., Gruber M., 2013. Takhtisanginskiye plastiny – shkatulka ili pojasnoy nabor [Takhtisangin Plates – Casket or Belt Set]. *Poslednii entsiklopedist. K yubileyu so dnya rozhdeniya B.A. Litvinskogo* [The Last Encyclopedist. On the Anniversary of the Birth of B.A. Litvinsky]. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, pp. 185–199.
- Kazakhskoe iskusstvo* [Kazakh Art], 2013, vol. I. Almaty, Elnur Publ. 240 p.
- Kilunovskaya M.E., Leus P.M., 2018. Novye dannye po sotsialnoy strukture naseleniya Tuvy v kontse I tys. do n.e. [New Data on the Social Structure of the Population of Tuva at the End of the 1st Millennium BC]. *Muzhskoy*

- i zhenskiy mir v otrazhenii arkheologii: materialy Vseros. s mezhdunar. uchastiem nauch. konf., g. Ufa, 19–22 noyabrya 2018 g.* [The Male and Female World in the Reflection of Archeology: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation, Ufa, November 19–22, 2018]. Ufa, IHLL USC RAS, pp. 126-136.
- Kilunovskaya M.E., Leus P.M., 2020. Pryazhki iz sibirskogo gagata v pogrebeniyakh epokhi khunnu II–I vv. do n.e. v Tuve [Buckles from Siberian Jet in Burials of the Xiongnu Epoch of the 2nd – 1st Century BC in Tuva]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], iss. 30, pp. 223-253.
- Kilunovskaya M.E., Leus P.M., 2024. O svyazyakh Tuvi i Sredney Azii v epokhu khunnu [On the Links of Tuva and Central Asia in the Xiongnu Era]. *Kul'tury i tsivilizatsii Tsentral'noy Azii ot neolita do srednevekov'ya: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 120-letiyu A.M. Belenitskogo, 95-letiyu V.M. Massona i 100-letiyu Yu.A. Zadneprovskogo. Sankt-Peterburg, 5–8 noyabrya 2024 g.* [Cultures and Civilizations of Central Asia from the Neolithic to the Middle Ages Proceedings of an International Conference Dedicated to the 120th Anniversary of Aleksandr M. Belenitskii, 95th Anniversary of Vadim M. Masson and 100th Anniversary of Yurii A. Zadneprovskii. Saint Petersburg, November 5–8, 2024]. Saint Petersburg, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, pp. 298-302.
- Kononov P.B., 2008. *Usypalnitsa khunnского князя в Судзи (Ilmovaya pad, Zabaikale)* [Tomb of the Hunnic Prince in Suji (Ilmovaya Pad, Transbaikalia)]. Ulan-Ude, BSC SB RAS. 98 p.
- Korolkova Ye.F., 2006. *Zveriniy stil Yevrazii. Iskustvo plemen Nizhnego Povolzhya i Yuzhnogo Priuralya v skifskuyu epokhu (VII–IV vv. do n.e.). Problemy stilya i etnokulturnoy prinadlezhnosti* [The Animal Style of Eurasia. The Art of the Tribes of the Lower Volga Region and the Southern Urals in the Scythian Era (7th – 4th Centuries BC). Problems of Style and Ethnocultural Affiliation]. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 272 p.
- Kuzmin N.Yu., 2011. *Pogrebalnye pamyatniki khunno-syanbiiskogo vremeni v stepyakh Srednego Yeniseya: Tesinskaya kultura* [Funerary Monuments of the Xiongnu-Xianbian Period in the Steppes of the Middle Yenisei: Tesin Culture]. Saint Petersburg, Aysing Publ. 456 p.
- Logvin A.V., Shevnina I.V., Seitov A.M., 2019. Rannesarmatskoe pogrebenie kurgana 1 mogilnika Karatomar [Early Sarmatian Burial of Kurgan 1 of the Karatomar Burial Ground]. *Margulanovskie chteniya: materialy Mezhdunar. arkheol. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 95-letiyu so dnya rozhdeniya vidayushchegosya kazakhstanskogo arkheologa K.A. Akisheva* [Margulanov Readings: Proceedings of the International Archaeological Scientific and Practical Conference Dedicated to the 95th Anniversary of the Birth of the Outstanding Kazakhstani Archaeologist K.A. Akishev]. Nur-Sultan, Globus Publ., pp. 316-327.
- Luneva V.V., 2001. Yuvelirnye ukrasheniya iz Kampirtepa [Jewelry from Kampyrtep]. *Materiali Tokharistanskoi ekspeditsii* [Materials of the Tokharistan Expedition], iss. 2. Tashkent, SAN'AT, pp. 113-128.
- Lyakhov S.V., Mordvintseva V.I., 2000. Rannesarmatskoe pogrebenie u poselka Piterka Saratovskoy oblasti [Early Sarmatian Burial near Piterka Settlement in Saratov Region]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 102-109.
- Lyakhov S.V., Polovinkina Yu.S., 2009. Kurgan rannego zheleznoogo veka u poselka Piterka v Saratovskom Zavolzh'e [An Early Iron Age Burial Mound near the Village Piterka in the Saratov Trans-Volga region]. *Arkheologiya Vostochno-Evropeiskoy stepi* [Archaeology of the Eastern European Steppe], iss. 7. Saratov, Nauch. kn. Publ., pp. 196-231.
- Maksimova A.G., Mershechiev M.S., Vainberg B.I., Levina L.I., 1968. *Drevnosti Chardari (Arkheologicheskie issledovaniya v zone Chardarinskogo vodokhranilishcha)* [Antiquities of Chardara (Archaeological Research in the Chardara Reservoir Area)]. Alma-Ata, Nauka Publ. 263 p.
- Mamedov A.M., Vinogradov S.M., 2009. Katakombnye pogrebeniya rannego zheleznoogo veka mogilnika Taldysai I (Aktyubinskaya oblast) [Catacomb Burials of the Early Iron Age of Taldysai I Burial Ground (Aktobe Region)]. *Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale* [Ethnic Interactions in the Southern Urals]. Chelyabinsk, SUSU, pp. 102-106.
- Mamontov V.I., 2002. Sarmatskie pogrebeniya iz kurgannogo mogilnika Pisarevka II [Sarmatian Burials from the Barrow Cemetery Pisarevka-II]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 5, pp. 251-259.
- Mandelstam A.M., 1966. *Kochevniki na puti v Indiyu* [Nomads on Their Way to India]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ. 232 p.
- Mandelstam A.M., 1975. *Pamyatniki kochevnikov kushanskogo vremeni v Severnoi Baktrii* [Monuments of Kushan nomads in Northern Bactria]. Leningrad, Nauka Publ. 228 p.

- Margulan A.Kh., Akishev K.A., Kadirbaev M.K., Orazbaev A.M., 1966. *Drevnyaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana* [The Ancient Culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata, Nauka Publ. 436 p.
- Maslov V.E., 1999. O datirovke izobrazheniyna poyasnikh platinakh iz Orlatskogo mogilnika [On the Dating of the Images on the Belt Plates from the Orlat Burial Ground]. *Yevraziiskie drevnosti. 100 let B.N. Grakov: arkhivnie materialy, publikatsii, stati* [Eurasian Antiquities. 100 Years of B.N. Grakov: Archival Materials, Publications, Articles]. Moscow, IAS RAS, pp. 219-236.
- Matveeva N.P., 1994. *Rannii zheleznii vek Priishimya* [The Early Iron Age in the Ishim River Region]. Novosibirsk, Nauka Publ. 152 p.
- Minyaev S.S., 2007. *Dyrestuiskiy mogilnik. Arkheologicheskie pamyatniki syunnu* [Dyrestuysky Burial Ground. Xiongnu Archaeological Sites], vol. 3. Saint Petersburg, Faculty of Philology of Saint Petersburg State University. 233 p.
- Mordvintseva V.I., Shinkar O.A., 1999. Sarmatskie paradnye mechi iz fondov Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [The Sarmatian Parade Daggers Keeping in Volgograd Museum of Local Lore]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 2, pp. 138-148.
- Moshkova M.G., 1963. *Pamyatniki prokhorovskoi kulturi* [Monuments of Prokhorovka Culture]. Moscow, AS USSR. 56 p.
- Obelchenko O.V., 1956. Kuyu-mazarskiy mogilnik [Kuyu-Mazar Burial Ground]. *Trudi instituta istorii i arkheologii AN Uzbekskoi SSR* [Proceedings of the Institute of History and Archeology of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR], iss. VIII. Tashkent, Academy of Sciences of the Uzbek SSR, pp. 205-227.
- Obelchenko O.V., 1961. Lyavandakskiy mogil'nik [The Lyavandak Burial Ground]. *Trudy instituta istorii i arheologii Uzbekistana* [Proceedings of the Institute of History and Archeology of Uzbekistan]. Tashkent, Academy of Sciences of the Uzbek SSR, iss. 2, pp. 97-176.
- Obelchenko O.V., 1968. Lyavandakskaya pryazhka (k istorii rannikh kushan) [The Lavandak Buckle (On the History of the Early Kushans)]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* [Social Sciences in Uzbekistan]. Tashkent, Academy of Sciences of the Uzbek SSR, iss. 8, pp. 53-56.
- Obelchenko O.V., 1978. Shakhriyayronskaya pryazhka [Shahriyayron Buckle]. *Istoriya i arkheologiya Srednei Azii* [History and Archeology of Central Asia]. Ashgabat, Ylym Publ., pp. 68-81.
- Obelchenko O.V., 1981. *Kultura drevnikh kochevnikov dolini Zarafshana: Po materialam raskopok kurganov VII v. do n.e. – VII v. n.e.: dis. ... d-ra ist. nauk* [The Culture of the Ancient Nomads of the Zarafshan Valley: Based on the Materials of Excavations of Burial Mounds of the 7th Century BC – 7th Century AD: Doc. hist. sci. diss.]. Moscow. 678 p.
- Obelchenko O.V., 1992. *Kul'tura antichnogo Sogda* [Culture of the Ancient Sogd]. Moscow, Nauka Publ. 256 p.
- Okorokov K.S., 2025. Rannekochevnicheskii mogilnik Shakhriyayron v Bukharskom Sogde [The Early Nomadic Burial Ground of Shahriyayron in Bukhara Sogd]. *Vostok* [Oriens], no. 5, pp. 240-260.
- Omelchenko A.V., 2019. Issledovaniya Buxarskoj arxeologicheskoy e'kspedicii v Pajkende [Research of the Bukhara archaeological expedition in Pajkenda]. *Vostok* [Oriens], no. 6, pp. 85-99. DOI: 10.31857/S086919080007750-2
- Omelchenko A.V., Mirzaahmedov D.K., Holov D.O., Sobirov N.D., Sobirov E.N., Kulish A.V., Tojirov R.M., Zhumaeva M.D., 2025. Raboty Buharskoy arheologicheskoy ekspedicii v Paikende v 2024 g. [The Work of the Bukhara Archaeological Expedition in Paikend in 2024]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane: 2024 god* [Archaeological Research in Uzbekistan Season 2024], vol. 17. Samarkand, Samarkand Archaeological Institute named after Y. Gulyamov, pp. 163-189.
- Podushkin A.N., 2012. K etnicheskoy istorii gosudarstva Kangyui II v. do n.e. – I v. n.e. (po materialam mogilnikov Orlat i Kultobe) [On the Ethnic History of the Kangyu State of the II Century BC – I Century AD (Based on the Materials of the Orlat and Kultobe Burial Grounds)]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 31-53.
- Pshenitsina M.N., 1992. Tesinskii etap [Tesinsky Stage]. *Stepnaya polosа Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe Vremya* [The Steppe Strip of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period]. Moscow, Nauka Publ., pp. 224-235.
- Perlee D., 1976. Mongolyn tüükh sudlakh survaljiin negen ni paiz mön [One of the Sources for Studying Mongolian History is the Paiz]. *Studia historica Instituti Academiae Scientiarum Reipublicae Populi Mongolici* [Historical Studies of the Institute of Mongolian Academy of Sciences], vol. XII, fasc. 7. Ulanbaatar, Mongolian Academy of Science, pp. 90-99.
- Raev B.A., 2017. Gagatovie pryazhki iz Zhutovskogo mogilnika. Arkheologicheskie priznaki migratsii [Jet Buckles from the Zhukovsky Burial Ground. Archaeological Signs of Migrations]. *Ex Ungue Leonem: sb. st. k 90-letiyu L'va*

- Samujlovicha Klejna* [Ex Ungue Leonem. Collection of Articles Dedicated to the 90th Anniversary of Lev Samuilovich Klein]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 291-305.
- Rudenko S.I., 1962. *Sibirskaya kolleksiya Petra I* [The Siberian Collection of Peter the Great]. Moscow, Leningrad, AS USSR. 52 p.
- Seitov A.M., 2011. Sarmatskie pamyatniki Torgaiskoy stepi [Sarmatian Monuments of the Torgai Steppe]. *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivi* [Archeology of Kazakhstan in the Era of Independence: Results, Prospects], vol. II. Almaty, Margulan Institute of Archaeology, pp. 134-144.
- Seitov A.M., 2020. Poyasnie pryazhki rannesarmatskogo vremeni Turgaya [The Belt Buckles of the Early Sarmatian Period of Turgay]. *Samarskiy nauchniy vestnik* [Samara Journal of Science], vol. 9, no. 1 (30), pp. 141-146.
- Seitov A.M., Bazarbaeva G.A., Dzhumabekova G.S., 2021. Rannesarmatskoe pogrebenie kurgannoy gruppi Kenish 3 v Kazakhstanskoy Pritobole [Early Sarmatian Burial of Mound Group Kenish 3 in Kazakhstan Tobol River Region]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archeology], iss. 1 (35), pp. 37-48.
- Sergatskov I.V., 1990. Raskopki kurganov na Ilovle [Excavation of Mounds on Ilovlya]. *Drevnosti Volgo-Donskikh stepey* [Antiquities of the Volga-Don Steppes], iss. 1. Volgograd, Peremena Publ., pp. 26-29.
- Skripkin A.S., 2000. Novye aspekty v izuchenii istorii materialnoy kultury sarmatov [New Aspects in the Investigation of the History of Sarmatian Material Culture]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 3, pp. 17-40.
- Skripkin A.S., 2019. Kochevoi mir yuga Vostochnoy Yevropy vo II–I vv. do n.e. (vostochnie innovatsii, fakty, prichiny, posledstviya) [The Nomadic World of the South of Eastern Europe in the 2nd – 1st Centuries BC (Eastern Innovations, Facts, Causes and Consequences)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 24, no. 1, pp. 20-34. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.2>
- Skripkin A.S., Shinkar O.A., 2010. Zhutovskiy kurgan №27 sarmatskogo vremeni v Volgo-Donskom mezhdureche [Sarmatian-Time Kurgan Zhutovsky 27 in the Volga-Don Interstream Region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archeology], no. 1, pp. 125-137.
- Teterin Yu. V., 2015. Poyasnie podveski khunnskoy epokhi Yuzhnoy Sibiri [Belt Pendants of the Xiongnu Era of Southern Siberia]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History, Philology], vol. 14, iss. 5, pp. 51-60.
- Treister M.Yu., 2019. «Importy» iz Tsentralnoy Azii i Sibiri v pogrebalnikh pamyatnikakh Aziatskoy Sarmatii II–I vv. do n.e. [“Imports” from Central Asia and Siberia in the Burials of Asian Sarmatia of the 2nd – 1st Centuries BC]. *Problemy istorii, filologii i kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], no. 4, pp. 180-239.
- Trudnovskaya S.A., 1979. Rannie pogrebeniya yugo-zapadnoy kurgannoy gruppy mogilnika Tuz-gir [Early Burials of the Southwestern Kurgan Group of the Tuz-gyr Burial Ground]. *Kochevniki na granitsakh Khorezma* [Nomads on the Borders of Khorezm]. Moscow, Nauka Publ., pp. 101-110.
- Filanovich M.I., 2010. Drevniy Chach na puti yevraziiskikh migratsiy nomadov [Ancient Chach on the Path of Eurasian Nomadic Migrations]. *Traditsii Vostoka i Zapada v antichnoy kulture Sredney Azii: sb. st. v chest P. Bernara* [Traditions of the East and West in the Ancient Culture of Central Asia. Collection of Articles in Honor of P. Bernard]. Tashkent, Noshirlik yog'disi Publ., pp. 204-216.
- Khabdulina M.K., 1994. *Stepnoe Priishime v epokhu rannego zheleza* [The Steppe Region of the Ishim River in the Early Iron Age]. Almaty, Rakurs Publ. 170 p.
- Kholov D.O., Omelchenko A.V., 2025. *Novye arkheologicheskie nahodki v Buharskom oazise i ikh restavratsiya* [New Archaeological Finds in the Bukhara Oasis and their Restoration]. *Terra artis. Iskustvo i dizayn* [Terra Artis. Art and Design], no. 1, pp. 71-82. DOI: 10.53273/27128768_2025_1_71
- Sharapova S.V., Malashev V.Yu., 2022. Hronoindikatoriy I–III vv. n.e. iz lesostepnykh pamyatnikov Tobolo-Irtyshe [The 1st – 3rd AD Estimating Finds in the Forest-Steppe Sites of the Tobol and Irtys Rivers Basin]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 171-192. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.9>
- Shilov V.P., 1975. *Ocherki po istorii drevnikh plemen Nizhnego Povolzhya* [Essays on the History of Ancient Tribes of the Lower Volga Region]. Leningrad, Nauka Publ. 208 p.

- Shilov V.P., 1991. O svyazyakh drevnego naseleniya kalmitskoy stepi s severo-zapadnimi sosedyami [About the Relations of the Ancient Population of the Kalmyk Steppe with its North-Western Neighbors]. *Materiali po arkheologii Kalmikii* [Materials on the Archeology of Kalmykia]. Elista, Kalmyk ISSAS USSR, pp. 21-66.
- Yarigin S.A., 2023. Gravirovannye nakladki na luk iz kurgana № 4 mogilnika Ondiris II (Severnnyy Kazakhstan) [Engraved Overlays of a Bow from Mound no. 4 of the Burial Ground of Ondyrys II (Northern Kazakhstan)]. *Arkheologiya Kazakhstana* [Archeology of Kazakhstan], no. 2 (20), pp. 61-80.
- Brosseder U., 2011. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. Brosseder U., Miller B.K. *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Bonn Contributions to Asian Archaeology, vol. 5. Bonn, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, pp. 349-424.
- Erdenechuluun P., 2011. *The Sword of Heaven: Culture of Bronze Artefacts of the Bronze Age and Hunnu Empire*. Ulaanbaatar, Sunny Mongolia Today. 496 p.
- Gruber M., Ilyasov J.Ya., Kaniuth K., 2012. A Decorated Ivory Belt from Tilla Bulak, Southern Uzbekistan. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, vol. 18 (2). Leiden, Brill Academic Publishers, pp. 339-375.
- Heikel A., 1894. *Antiquités de la Sibérie occidentale: conservées dans les musées de Tomsk, de Tobolsk, de Tumén, d'Ékatérinebourg, de Moscou et d'Helsingfors*. Helsingfors, Imprimerie de la société de littérature finnoise. 111 p.
- Ilyasov J.Y., Rusanov D.V., 1997/1998. A Study on the Bone Plates from Orlat. *Silk Road Art and Archaeology*, vol. 5. Kamakura, Institute of Silk Road Studies, pp. 107-159.
- Nawroth M., Wemhoff M., 2023. *Archäologische Schätze aus Usbekistan. Von Alexander dem Großen bis zum Reich der Kuschan*. Berlin, Kulturverlag Kadmos. 447 s.
- Pan L., 2018. On the Evolution of Belt Items of Northern China and Mongolia Through 1st to 2nd Century B.C. *Drevnie kul'tury Mongolii, Baykal'skoy Sibiri i Severnogo Kitaya: materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ulan-Ude, 10–14 sentyabrya 2018 g.)* [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: Proceedings of the IX International Scientific Conference (Ulan-Ude, September 10–14, 2018)], vol. 1. Ulan-Ude, BSC SB RAS, pp. 126-134.
- Simonenko A.V., 2001. Chinese and East Asian Elements in Sarmatian Culture of the North Pontic Region. *Silk Road art and Archaeology*, vol. 7. Kamakura, Institute of Silk Road Studies, pp. 53-71.
- Sono T., Fukai S., 1968. Dailaman III. The Excavation at Hassane Mahale and Ghalekuti, 1964. *The Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition*. Report 8. Tokyo, The Institute of Oriental Culture. 102 p. 88 pl.
- Stöllner T., Samašev Z., 2013. Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens. *Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museum Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013*. Bochum, Deutsche Bergbau-Museum Bochum. 532 S.
- The Year One: Art of Ancient World East and West*, 2000. New York, The Metropolitan Museum of Art, New Heaven, Yale University Press. 220 p.
- Treasures of Shirik Rabat. Album-book*, 2024. Almaty, Margulan Institute of Archaeology. 176 p.
- Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the First Nomadic Empire in Mongolia*, 2011. Ulaanbaatar, Shua-iin Arkheologiin khureelen, Mongolyn Undesnii muzei. 296 p.

Information About the Author

Konstantin S. Okorokov, Junior Researcher, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, okorokov.arx@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7060-6313>

Информация об авторе

Константин Сергеевич Окорокров, младший научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, okorokov.arx@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7060-6313>